

• ИРИНА •

ГЛЕБОВА

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

ИНТЕРЕСНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Следователь Викентий Петрусенко

Ирина Глебова

Ангел-хранитель

«Автор»

2012

Глебова И. Н.

Ангел-хранитель / И. Н. Глебова — «Автор»,
2012 — (Следователь Викентий Петрусенко)

Новое расследование харизматичного, обладающего уникальными дедуктивными способностями и знаниями сыщика Викентия Петрусенко на сей раз приводит его к загадке. Можно ли объяснить феномен сомнамбулизма? Особенно если ходить и говорить во сне начинает здоровый мальчик. Только вот одна деталь: малыш – наследник огромного состояния, и по воле случая его опекает родная, любящая тетка, которая души в нем не чает... Внезапная болезнь – игра судьбы или злой, коварный замысел, который не снился даже корифеям преступного мира? Петрусенко бесстрашно встает на защиту ребенка, по ходу следствия сталкиваясь с тайнами, достойными пера Александра Дюма и Артура Конан-Дойла! И нет никаких сомнений в том, что все они будут раскрыты!

© Глебова И. Н., 2012

© Автор, 2012

Содержание

I	5
2	7
3	11
4	15
5	19
6	22
7	27
8	33
9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ирина Глебова

Ангел-хранитель

I

Викентий Павлович вышел из березовой рощи на самый край пригорка и повернулся, чтобы посмотреть в сторону реки. Солнце брызнуло ему прямо в глаза, на миг ослепило. Он быстро натянул ниже козырек своей охотничьей шапочки. Пойнтер Тобик подбежал на минуту, глянул на хозяина, задрал вверх симпатичную вислоухую морду, и вновь нырнул в рощу, зашелестел там листьями. Ни пес, ни Петрусенко охотниками не были, несмотря на свой явный охотничий экстерьер. Они просто гуляли.

Речка Сушка, красиво изгибаясь, текла вниз. Сверху, сквозь негустые деревья, ее было хорошо видно – блестящая, чистая, местами набирающая скорость, но потом вновь переходящая на тихий бег. Чуть левее русло поворачивало, оставляя место широкому полю. Там, по траве, поросшей колокольчиками и лютиками, бежали мальчик и девочка. Они держались за руки, смеялись, подпрыгивали.

«Как красиво, – подумал Викентий Павлович. – Был бы я художником...»

Краем глаза он уловил в стороне еще какое-то движение. И верно, на небольшом холме с другой стороны поля появился всадник. У Петрусенко было отличное зоркое зрение, и он почти сразу понял – это не всадник, а всадница. Еще минуту назад там никого не было, и конь, и приподнявшаяся над седлом фигура женщины как будто появились из ниоткуда. Несколько долгих минут всадница оставалась неподвижной, и Викентий Павлович ясно видел – она смотрит на бегущих по полю детей. Потом, резко натянув поводья, женщина поскакала вниз, к прогалине, уходившей куда-то за лес.

Викентию Павловичу отчего-то стало тревожно. Подумалось: хорошо, что она его не видела – с той стороны его прикрывали деревья. Он стал спускаться по тропинке, огибающей холм. Шел медленно. И потому, что спешить было некуда, и потому, что инстинктивно старался ступать осторожно. Он, конечно, уже не хромал, но нога, простреленная год назад, все же давала о себе знать.

Он уже спустился к густым кустам боярышника, когда услышал, что с другой стороны сюда же подбежали те двое детей.

– Стой, стой, Лодя! – воскликнула девочка. – Не беги дальше! Пора возвращаться.

Голос у нее был мелодичный и взрослый.

– Ты видела? Видела? – возбужденно говорил запыхавшийся мальчик. – Следит за нами!

– Видела. – Это уже девочка. И добавила с непонятной интонацией: – Беспокоится, как бы с тобой чего не случилось...

– Беспокоится, точно! Чтоб ты меня не украла.

Мальчик говорил немного странно, словно бы с иностранным акцентом. Его слова заставили Викентия Павловича удивленно качнуть головой. Девочка, похоже, тоже удивилась.

– Откуда ты знаешь? Что-то слышал?

– Слышал-слышал! Она своей фам де шамбр говорила: «Ох, не сделала ли я ошибку, взяв малышу такую юную гувернантку. В девятнадцать лет еще нет настоящего чувства ответственности. Как бы не произошло несчастье!»

Мальчик забавно имитировал голос взрослой женщины. Викентий Павлович догадался, что речь идет о той самой всаднице.

– Значит, ты подслушивал разговор тети с ее горничной? Хорошо ли это, Лодя?

– Да я случайно, правда-правда! И потом, она ведь так не думает, притворяется, что переживает.

– Однако поехала за нами, проверила...

Девочка хотела еще что-то сказать, но не успела. В этот момент примчавшийся от реки Тобик проскочил мимо Викентия Павловича, обогнул куст и выбежал, виляя хвостом, прямо к детям. Петрусенко поспешил выйти вслед за псом.

– Не бойтесь, – сказал. – Он у нас добрый, даже не подозревает, что можно кусаться.

Он уже раньше, из разговора, понял, что та, кого он принял за девочку, – юная девушка. Ее русые волосы растрепались от бега, рассыпались по плечам. Большие серые глаза внимательно смотрели на пришельца. Брови и ресницы были темнее волос, почти черными, и от этого глаза казались еще более глубокими, прозрачными.

Пойнтер прыгал вокруг детей, а мальчик, присев на корточки, пытался схватить его и погладить по коричневой голове.

– Я не боюсь!

Мальчик поднял вверх лицо. У него тоже были серые глаза под темными бровями, русые волосы, густые и волнистые, красиво обрамляли лоб и щеки. Их можно было бы принять за брата и сестру. Но Викентий Павлович уже понял: это воспитательница и воспитанник.

– Как его зовут?

– Лорд Тобиас. Но откликается на Тобика. Правда, дружок?

Пойнтер еще раз крутанулся вокруг людей и умчался в сторону реки.

– Вы охотитесь?

Мальчик поднялся, отряхивая коленки.

– Нет. – Викентий Павлович пожал плечами. – Как видишь, оружия у меня нет. Да и Тобик не приучен к этой забаве, хотя кровей он, конечно, охотничьих. Просто гуляем.

– Вы, наверное, живете где-то здесь?

Это уже спросила девушка. Петрусенко повернулся к ней. Невысокая, гибкая, в легком синем платье на пуговицах, с круглым воротничком, под поясок... Ей трудно дать девятнадцать лет. Шестнадцать-семнадцать. Но взгляд, выражение лица... Да, и в самом деле старше. Он улыбнулся девушке.

– Я гощу у родственника, неподалеку – в том поместье, что за мостом.

– Я слышал! – воскликнул мальчик. – Там живет военный доктор.

– Верно. Вот у него я сейчас в гостях, отдыхаю. А вы откуда?

Девушка взяла мальчика за плечи, легонько поставила перед собой.

– Это князь Всеволод Берестов, – сказала она. – Живет с дядей и тетей в своем имении «Замок».

Мальчик вскинул подбородок и сделал красивый жест в сторону своей спутницы:

– Моя гувернантка, мадемуазель Элен.

– Рад знакомству, – Петрусенко пожал ладошку юному князю. – Меня зовут Викентий Павлович. Приходите к нам в гости. Здесь со мной сын Саша. Он немного постарше, но, думаю, вы могли бы подружиться, вместе играть.

– Это здорово! Но... – мальчик посмотрел на гувернантку, она слегка кивнула головой. – Но пусть он лучше приходит ко мне. Вы ему передадите приглашение? Мой дом вон за тем леском, недалеко!

– Он придет с удовольствием, – заверил Викентий Павлович. И попрощался с детьми. Они, держась за руки, пошли через поле в другую сторону. «Совсем не как ученик и воспитательница, – подумал Петрусенко, с улыбкой глядя им вслед. – Видно, эта девушка стала мальчику хорошим другом. Ну и слава Богу!»

Он уже понял, с кем случайно познакомился: история семилетнего Всеволода, князя Берестова, все еще оставалась самой памятной из происшествий последнего времени.

2

От дороги, ведущий из Серпухова в Рязань, почти сразу за Серпуховом уходил в сторону хорошо наезженный тракт. Он вел к поместью «Бородинские пруды». Здесь прошло детство Людмилы – жены Викентия Павловича. Сама-то она давно оттуда уехала, и ее родители (теперь уже покойные) последние свои годы прожили в других местах. А в «Бородинских прудах» обосновался брат Людмилы, Вадим Илларионович Бородин, военный врач в отставке. Был он намного старше сестры, но все еще холостяк, и одиночество, похоже, его не тяготило. Молодость и зрелые годы он провел в войсковых соединениях. Когда шли сражения – в санитарных обозах и полевых госпиталях, в мирное время – в полковых лазаретах. Всегда среди людей, в заботах. Аскетом не был, но жениться так и не женился. Считал, что отсутствие свободного времени и вечные переезды не способствуют семейной жизни.

Три года назад Вадим Илларионович вышел в отставку. Но когда сестра Людмила стала заседать:

– Тебе здесь так одиноко, Вадим! Неужели у тебя нет на примете женщины, которая тебе нравится? Женился бы. Если даже на ребенка не решишься, то жили бы вдвоем... – Вадим засмеялся:

– Это ты на что, сестренка, намекаешь? Напрасно! Я в свои неполных пятьдесят легко могу стать отцом. Бог здоровьем не обидел, лет до семидесяти надеюсь прожить. А значит, и ребенка мог бы вырастить, на ноги поставить.

– Так в чем же дело?

– Устал я, Люсенька, от общения с людьми. Сколько лиц у меня перед глазами промелькнуло, сколько судеб. Теперь хочу только покоя. И об одиночестве давно мечтал. Но ты ведь меня знаешь, я не затворник. Помогаю, по мере возможности, всем, кто ко мне обращается.

Людмила знала, что к ее брату за врачебной помощью приезжают не только из соседних деревень, – бывает, что и из Серпухова за ним посылают... Одиночество для него – это душевный покой, свободное время, природа, а вовсе не отрешенность от людей. Вот и ее семейству Вадим очень обрадовался. Он давно звал их к себе, да им все было некогда – у Викентия все время работа, и очень интересная. Люся всегда с таким восторгом вникала во все дела, которые расследовал Викентий, так ждала его рассказов, что он и вправду привык всем с ней делиться. Рассказывал жене и словно заново прокручивал в памяти все события, анализировал. И не раз бывало: именно во время этих бесед внезапно озаряла нужная догадка...

Этим летом семья Петрусенко все-таки выбралась к Вадиму в «Бородинские пруды». Два года подряд они ездят отдыхать вместе – небывалое дело! Не было бы счастья, да несчастье помогло: прошлым летом Викентий был ранен в ногу, задерживая преступника. Когда рана подзажила, они поехали долечиваться на курорт в Германию. Теперь, почти через год, в августе, начальство настояло, чтоб Викентий Павлович вновь взял отпуск: нога еще побаливала. И они решили – бог с ними, курортами и границами, поедem в родные места, к Вадиму.

Викентий Павлович и Тобик вернулись с прогулки как раз к обеду. У Вадима Илларионовича не было псарни – один Тобик, если не считать парочки дворняжек, вольно бегающих по двору, которых подкармливали конюх и кухарка. Но Тобика единственного пускали в дом, он был любимец: ласковый, послушный, умный. Вот и теперь он первый вскочил на крыльцо, носом и лапой распахнул двери и помчался напрямиком в столовую – на вкусные запахи.

Когда все семейство уже сидело за столом, Викентий Павлович спросил:

– Чем занимались сегодня? А, Саша?

Одиннадцатилетний сын чуть насупил брови, пожал плечами.

– Да так... Ничего особенного... На речку ходил. Вода уже холодновата. – И пробурчал себе под нос, но так, что все услышали: – Это ведь не Крым...

Саша изо всех сил старался быть вежливым и не огорчать гостеприимного дядю. Но обида на отца и мать, настроение протеста все еще не улеглись в его душе, а притворяться он не умел. Зато малышка Катюша была всем довольна и щебетала как птичка:

– Папочка, папа, а мы с мамочкой кормили курочек и цыплят. Они такие хорошенькие, но не ловятся, убегают! А гуси страшные. Я хотела с гусеночком поиграть, а большой гусак шею вытянул, за платье меня схватил! Меня мамочка спасла.

Вспомнив ужасное происшествие, Катюша уткнулась кудрявой белокурой головкой матери в бок. Люся прижала к себе дочку и, смеясь, сказала мужу:

– Это она сейчас вспоминает, и ей страшно. А тогда не испугалась. Гусь, с нее ростом, тянет ее за платье, а Катенька его хворостиной, хворостиной, и кричит: «Пусти сейчас же, порвешь!»

– Вот какая у меня, оказывается, отважная племянница!

Катюша быстро вскочила, обежала стол и забралась к Вадиму Илларионовичу на колени, лукаво поглядывая на отца. Викентий Павлович был рад, что Люся и пятилетняя дочка по-настоящему наслаждались жизнью в поместье – природой и простыми деревенскими хлопотами. Саша же с самого начала ехал сюда неохотно. И хотя, похоже, ему в «Бородинке» тоже нравилось, он изо всех сил старался этого не показать. «Ничего, – подумал Петрусенко, – скоро все изменится».

– А у меня сегодня на прогулке была интересная встреча. И знакомство, – сказал он, принимая из рук слуги Максима блюдо со вторым. – Встретил в поле, что за холмами, юного князя Берестова с гувернанткой. Очень славный мальчик, так мне показалось. Мы познакомились, и он пригласил тебя, Александр, к себе в гости. В имение «Замок».

– Князя Берестова? – Люся всплеснула руками. – Это что же, Викентий, того самого? Который полгода назад сиротой остался?

– Именно так, его. А что, Вадим, у Берестовых здесь владения? Я не знал.

– Да. – Бородин задумчиво покачал головой. – Верно, я и забыл. У Берестовых здесь близко родовое имение. Старинное. Дом хоть и красивый, но мрачный какой-то. Там много лет никто не жил. Я и не знал, что он теперь обитаем...

– Я извиняюсь, но вы же, господин доктор, соседями не интересуетесь.

Ловко собирая тарелки, слуга Максим иронично покачал головой.

– Зато ты все знаешь, – ответил ему Бородин.

– Знаю, – согласился тот. – Да об этом все вокруг знают. Молодого князя привезли из самого Парижа месяца два назад. Господин Коробов, двоюродный брат покойного князя Берестова, и его жена, опекуны молодого князя, решили, что мальчику после трагедии полезно пребывание на природе.

– Я вижу, Максим у вас источник самой полной информации, – пошутил Петрусенко. – Ну и что говорят о мальчике, как он себя чувствует?

– Что ж, – Максим уже расставил чайные приборы. – Ребенок есть ребенок, горем долго жить не может. Да и полгода уж прошло, как сгорели его родители.

Доктор Бородин не согласился.

– Не скажи, Максим! Детская душа подчас сложнее взрослой. Горе может не проявляться внешне, но уйти в подсознание. И когда ребенок, казалось бы, все забыл, весел, доволен, вдруг начинаются осложнения с характером или нервной системой. Взрослые не понимают, в чем дело, им кажется это необъяснимым. А причина – в загнанном в глубь памяти горе.

– Вам виднее, конечно, вы доктор. А я человек простой...

– Да ладно тебе иронизировать! Знаю я твою простоту.

– Вот уж право, ваше благородие, вы слова какие-то говорите, мне непонятные.

– Это он-то не понял слово «иронизировать»! – Вадим Илларионович кивнул сестре, призывая в свидетели. – Всю библиотеку мою перечитал, а все в простачка рядится...

Викентий Павлович наслаждался этой шутилкой перепалкой. Он хорошо знал, что между хозяином и слугой существуют давние «неуставные» отношения. Корни их – в военном прошлом обоих, когда Вадим Бородин был полковым врачом, а Максим – его денщиком.

Рядовой Максим Мельников попал к доктору Бородину молодым солдатом. И сначала – на операционный стол. В феврале 1904 года, в самом начале Русско-японской войны, он служил в конноартиллерийском отряде генерала Мищенко – заряжающим при орудийном расчете. Они получили приказ произвести рекогносцировку Северной Кореи. Разъезды продвинулись вперед на сто верст и почти не обнаружили неприятеля, но несколько мелких стычек все же произошло. В одной из них Максима ранили. Отряд отошел к границе с Китаем, к Ялу, там в госпитале Максиму решили ампутировать ногу – начиналась гангрена. В то время там как раз служил Вадим Илларионович Бородин. Он увидел солдата Мельникова уже на операционном столе и в самый последний момент отменил операцию. Сам прочистил и обработал рану и потом много дней следил за состоянием Максима, лечил. Когда уже выздоравливающего, но слабого и прихрамывающего солдата хотели отправить в обоз, тот попросил оставить его денщиком при докторе Бородине – выяснил исподволь, что такового у доктора нет. С тех пор Максим бессменно при Вадиме Илларионовиче.

Жена Викентия Павловича постоянно переписывалась с братом, встречалась с ним чаще, чем Петрусенко. Именно от нее он знал историю дружбы доктора и его денщика. Всего лишь через два месяца после госпиталя Мельников пошел со своим «господином доктором» в неравный и жестокий бой под Тюренченом. Сам Бородин не любил об этом вспоминать. Отдавая дань храбрости русских солдат и офицеров, он всегда с горечью ругал бездарное руководство армией. Ведь генералу Засуличу было приказано не вступать в бой с «превосходящими силами». И когда в апреле слабый авангард армии Куроки подошел к Ялу, генерал побоялся послушаться приказа и дать бой. Мало того, под прикрытием этого отряда японцы навели мост. Когда подошла основная армия и стала переправляться, об этой переправе наши узнали только по грохоту колес о настил моста! И пришлось принять бой всего лишь двумя русскими полками против трех дивизий армии Куроки. Именно в одном из них, 11-м Восточно-Сибирском полку, служил военврач Бородин. Когда в бою погиб командир, впереди солдат стали полковой священник и полковой врач, а музыканты заиграли марш. Так они и пошли в атаку, штыками пробивая кольцо врагов. И тут же, рядом со своим «господином доктором», не отставая ни на шаг, дрался и Максимка. Вадим рассказывал сестре, что не раз в этом немислимом бою денщик отбивал штыки, направленные в грудь доктору. Героизм воинов не спас их от разгрома. Но и доктор, и денщик сумели не попасть в плен и остаться почти невредимыми – мелкие ранения никто не считал.

С тех пор они не расставались. Уходя в отставку, Бородин вызволил со службы и Максима. Как-то незаметно их отношения из дружеских перешли почти в родственные. Часто даже было непонятно, кто кого опекает.

Викентию Павловичу нравился Максим. Сухопарый, высокий, с мягкими волосами цвета пшеницы, коротким носом и такими светлыми бровями, что их почти не было видно. Он казался молодым, но разбегающиеся от уголков глаз морщинки и слегка запавшие щеки все же выдавали его возраст: тридцать пять лет. Максим и вправду всегда все обо всем знал. Петрусенко уже понял, что это определенный склад натуры: очень общительный и отзывчивый человек притягивает к себе людей – к нему идут за советом, помощью, просто выговориться.

– А что, Максим, – спросил он, – у Всеволода Берестова тетя и дядя – что за люди?

– Господин Коробов большой чин по линии просвещения, начальник городского присутствия в Москве. Так себе господин: с виду важный, но по характеру – ни то ни се. Всем заправляет госпожа Коробова. Она дама важная, но хозяйка – плохая.

– Вот как? – удивился Петрусенко. – Это-то ты откуда знаешь?

– Да вот сад у них запущенный стоит. Раньше никто не жил, оно понятно. Но сейчас приехали, мальчонку привезли. Она наняла было садовника, он начал там прибираться, да успел только одну клумбу разбить, как госпожа забрала его из сада на другие работы.

– А ты, значит, с садовником этим знаком? – улыбнулся Викентий Павлович.

– Верно. Да это Степан, вон, из Енино. За Лушей ухаживает, бегает к ней из «Замка» вечерами.

– Постой, Максимка! – вмешалась в разговор Людмила. – А мне только вчера кухарка наша говорила, что тебе нравится из села Енино девушка Луша. Уж не она ли?

– Она, – махнул рукой Максим. – Так ведь совсем молоденькая девчонка, и Степан молод, хороший парень. Пускай себе...

– Так что, папа, это тот самый мальчик, о котором писали газеты? Чьи родители погибли во время пожара во Франции?

Саша оживился, глаза у него заблестели.

– Да, это он. Его зовут Всеволод.

– И я завтра к нему поеду в гости?

– Ну, раз он тебя пригласил – поедешь.

– Отлично! А где это?

– Это недалеко, – сказал Вадим Илларионович. – Максим тебя отвезет в двуколке. А хотите, можете и верхом.

– Верхом поедем! – воскликнул Саша. Он менялся на глазах, вновь становился веселым, открытым и восторженным мальчуганом, каким и был всегда. – А сколько лет Всеволоду? Кажется, он моложе меня...

– Да, ему лет семь, – кивнул Викентий Павлович. – Но знаешь ли, когда человек много пережил, он всегда взрослее своих лет. И потом, у него есть гувернантка, совсем молоденькая девушка. Думаю, тебе с ней тоже будет интересно общаться. Мне она понравилась. Я даже принял ее сначала за сестру мальчика.

– Нет, – опять вмешался Максим. – У молодого князя нет ни сестер, ни братьев. Хотя когда-то у него сестричка была, да только умерла в младенчестве.

– Как же, как же, – оживился Бородин. – Помню я эту историю. Много лет назад княгиня Берестова именно здесь, в имении «Замок», родила ребенка, который и умер сразу после родов. Помнишь, Люся? Ты тогда тоже жила у родителей здесь, в «Бородинке», писала мне даже об этом?

– Помню, – кивнула Людмила. – Родилась девочка и сразу умерла.

– Вот они, Берестовы, с тех пор и перестали сюда приезжать совсем, – добавил Вадим Илларионович.

– Так и было, – подтвердил Максим. – А девочка та похоронена на кладбище при женском монастыре. Монашки за могилкой и приглядывают. Я слышал – особенно одна послушница старается.

3

Сестра Аглая пришла на монастырский погост как всегда днем, перед вечерней. Маленькая могила, над которой склонился мраморный ангел, была почти скрыта разросшимся барвинком, а в изголовье Аглая посадила куст шиповника. Он за три года разросся и теперь нависал над печальным ангелом словно страж, густо обсыпанный уже красными плодами. По весне же он цветет чудесными розовыми цветами – такими нежными, как ее чувства к несчастной малютке, покоящейся здесь.

Три года назад она пришла в этот монастырь, жила здесь сначала белицей, потом стала послушницей, приняла имя «сестра Аглая». Ей нравилось ее новое имя: звучало по-иному, но напоминало ее настоящее, мирское. Горько пришлось ей в жизни, прежде чем привела судьба сюда, к Святым воротам Владычного монастыря. А в чем она была виновата, за что обошлись с ней так люди? За то, что полюбила? Так обвенчаться должны были они, кто же знал, что заберут суженого в солдаты так внезапно! Скончался царь Александр III, на престол готовился взойти наследник, ожидалось не только народное ликование, но и народные беспорядки. Вот и прошел этот стремительный набор рекрутов...

Аглая хорошо помнила, как пришла к матери своего жениха. Шестнадцатилетняя девочка, испуганная, но полная надежды. Стройная... Четыре месяца беременности еще никак не отразились на ее фигурке. Дом, на крыльцо которого она поднялась, был добротным, с богатым двором и дворовыми постройками, обнесенный высоким, без единой щели забором. Двери открыла ей одна из невесток – жена старшего брата. Прыснула, оглядев ее, хотя девушка и надела свое лучшее платье и единственные башмачки.

– Мамаша! – крикнула в глубь дома. – Тут явилась эта... Пустить?

Жених много рассказывал ей о своем семействе. О старших уже женатых братьях, о покладистом, покорном отце и суровой матери. Да и кто ж у них в деревне не знал Лютую Стешку? Лютая – это была ее девичья фамилия. Еще в девках Степанида отличалась как броской внешностью, так и самодурным нравом. Тогда и приклеилось к ней это прозвище, которое, впрочем, было ее настоящим именем. Видно, Господь знает, как кого назвать, чтоб людям сразу суть человеческая видна была! Выйдя замуж, родив трех сыновей, Степанида так для всех и осталась Лютой Стешкой. Теперь девушка и сама стояла перед дородной женщиной в большой комнате с чудесным деревянным полом, а не земляным, какой был в ее домишке. Вдоль стен выстроились разные шкафчики, а в них, за стеклами, много красивой посуды...

– Зачем пришла? – спросила, не поднимаясь с кушетки, женщина.

Девушка сжалась от мрачного голоса и пронзительного взгляда, сердце заколотилось так сильно... Но деваться было некуда, и она сказала. Сказала, что они с ее сыном заручились – он надел ей на палец серебряное колечко, как своей невесте. А теперь у нее будет ребенок:

– Ваш внук...

Вот тут Стешка Лютая вскочила, затопала ногами, закричала:

– Ах ты мерзавка, голь перекатная! В богатый дом втереться хочешь, мужичка! Еще неизвестно, с кем байстрюка нагуляла! Так мы тебе и поверили!

Вбежали обе невестки, завизжали, замахали руками:

– Поди прочь! Поди прочь!

Домой она еле дошла. Слезы перехватывали горло, не давая дышать, голова кружилась. Дважды резко полоснуло болью по низу живота. Дома, упав на кровать, горько рыдая, она все рассказала бабушке.

– Глупенькая ты моя, горемычная! – приговаривала старушка, глядя внучку по голове и плечам. – Если бы я знала, не пустила бы тебя в тот дом. Ты сирота, у тебя только и есть я, старуха, да эта халупка. Мы для Стешки Лютой никто, босота. Двоих сыновей она на богатых

женила, а твой сосвоевольничал – отказался от Наташки Рындиной, богатой невесты. Тебя выбрал. Вот и отыгралась она на тебе. Люди поговаривают, сама сына в солдаты отдала.

– Как же это? Не может быть! – Девушка подняла заплаканное лицо, испуганно посмотрела на бабушку. – Ведь мать она ему!

– Знать, конечно, точно об этом никто не знает, – вздохнула бабушка. – Да только человек она недобрый, ни к мужу, ни к детям своим. Могла и так сделать, чтоб наказать за непослушание, чтоб на тебе не женился... И то сказать: захотела бы – выкупила из солдатчины. Денег ведь куры не клюют...

Через два месяца бабушка заболела и умерла. Старенькая была, все время хворала. Да только и позорная слава внучки, о которой Лютая Стешка раструбила на всю деревню, добила бабушку. Похоронив ее, Аглая ушла из деревни в город.

Там ей сначала повезло: сумела попасть в училище белошвеек, жила в приюте при училище. Но скоро стала видна ее беременность, и мастерица, как только это обнаружила, доложила начальнице. Аглаю выгнали – в училище строго следили, чтобы девушки вели себя как подобает. После этого она нищенствовала до самых родов, жила в богадельне. Там же начались и родовые схватки. Сердобольные соседи довели ее до больницы для бедных. Там она и родила, почти в беспамятстве. Когда очнулась только на второй день, врач сказал, качая головой:

– Ты сама еще ребенок, организм у тебя неокрепший, истощенный. И переживала, видно, много, бедствовала. Все это отразилось на твоей девочке...

– Она... умерла? – прошептала еле слышно.

– Сутки пожила, – сказал врач, – умерла полчаса назад. С самого начала не жилец была на этом свете... Не переживай, мы ее похороним за счет больницы.

– Я хочу взглянуть...

– Да ты сама чуть жива, лежи. Незачем смотреть, расстраиваться. Ничего теперь не поделаешь...

Доктор ушел, но Аглая встала, пошатываясь, развязала узел со своей одеждой, лежащий возле кровати. Когда она, не замеченная никем, вышла через черную лестницу на задний двор больницы, в лицо ударил холодный порыв ветра – слишком холодный для сентября. Он чуть не сбил ее с ног. Но тут она увидела, как из ворот выезжает телега. На ней, за спиной кучера, сидит больничная сестра, придерживая плетеную корзину, закрытую крышкой. Сердце у Аглаи остановилось, а потом забило так сильно, что она вскрикнула. Каким чудом поняла она, что это увозят ее дочь, объяснить невозможно. Да только спросила у дворничихи, смотрящей вслед телеге:

– Что это? Куда?..

Та ответила охотно, даже не глядя на спрашивающую:

– Младенец умер намедни, девчужка. Той самой молоденькой роженицы, что из богадельни. Вот, хоронить повезли.

Потом все же повернулась в сторону Аглаи, но тут же стала мести двор. Не узнала, видимо, в этой изможденной, замученной женщине «молоденькую роженицу». А Аглая поспешила за телегой: догнать, хотя бы разок взглянуть на дочку, попрощаться... Поспешила – это только так говорится. Когда, спотыкаясь и задыхаясь, она дошла до поворота, куда раньше завернула телега, то увидела... Что же это? Какая-то женщина торопливо берет из рук санитарки корзину, сует деньги и быстро уходит прочь. Господи, куда это она? Зачем?..

Телега быстро укатила вперед, а незнакомка с корзиной свернула на тропу к березовой рощице. Аглая сама не знает, откуда вдруг у нее взялись силы. Она пошла, почти побежала в ту же сторону. Когда пробежала рощу насквозь, увидела: женщина с корзиной уже садится в красивую карету. Одинок стоящий на пустынной дороге экипаж явно поджидал ее. Вот она, накинув на голову капюшон плаща, сама забралась на место кучера, тронула вожжи, и экипаж промчался мимо, увозя неизвестно зачем и куда тельце ее, Аглаи, новорожденной дочери.

Мелькнул перед глазами герб на темной дверной полировке – врезался в память до самой последней черточки...

Она вышла из больницы и стала работать на соляном складе – расфасовывала с другими женщинами в разные упаковки соль. Соль разъедала руки, они покрылись до локтей трещинами и язвами. Долго ли она выдержала бы, кто знает, но тут ее нашел один славный человек, позвал работать к себе.

– Я знаю, – сказал, – что вы пережили горе, потеряли ребенка. А у нас с женой есть маленькая девочка, ей нужна няня. Может быть, присматривая за ней, вы найдете утешение, хотя бы немного.

Откуда он узнал про нее? Аглая не спрашивала – какая разница. Этому человеку, единственному, она рассказала историю загадочного похищения своей умершей девочки. Он слушал внимательно, но словно без удивления. Ей тогда даже показалось – не поверил.

Аглае хорошо жилось в этой семье, и девочку, которая при ней делала первые шаги и лепетала первые слова, она полюбила. Но какая-то тоска все чаще и чаще подступала к сердцу, душа томилась желанием что-то делать, идти, искать... Через год она ушла. Хозяин, похоже, понимал ее. Расплатился с ней и на дорогу дал хорошие деньги. Взял с нее обещание писать ему. Как где-нибудь надолго найдет приют – пусть даст весточку: жива-здорова, пребываю там-то... Она пообещала, ведь именно он обучил ее читать и писать. И вообще, Аглая уходила от этих славных людей окрепшая и физически, и духовно. А после, поскитавшись по стране, много работая, узнавая разных людей, она и сама стала другой – сильной, уверенной. В монастырь пришла не от слабости, а от убеждения, что рука Божия ведет ее по жизни. И только подойдя к Святым воротам монастыря, вдруг осознала, что вновь вернулась в родные места. Словно завершая некий круг.

Она давно не писала тому человеку, которому обещала подавать о себе весточки. Здесь же, в тихой обители, вспомнила – написала. Он ответил ей: «Неисповедимы пути Господни! Ты пришла туда, куда и должна была прийти. Я расскажу тебе то, что знал давно, а теперь пришло время узнать и тебе...»

Это письмо, наконец, дало ей истинное успокоение и даже радость. Вскоре она попросила мать-игумению позволить ей ухаживать за детской могилкой на монастырском кладбище. И настоятельница, и инокини знали, что у сестры Аглаи когда-то давно умерла новорожденная дочь. Потому никого не удивляли ее ежедневные походы к могиле. Часто Аглая думала о словах своего благодетеля, сказанных в том письме: «Может быть, когда-нибудь к тебе придет моя дочь. Расскажи ей обо всем, о чем когда-то рассказала мне. И помоги...» Что ж, наверное, так и должно когда-то произойти. Божья справедливость и Божий суд восторжествуют. И она, если понадобится, выполнит все, о чем ее просил тот, кто помог и поддержал в самый трудный час...

Августовское полдненное солнышко так жарко припекало, что сестра Аглая, наверное, слегка вздремнула на скамейке у могилы. И вздрогнула, когда увидела прямо перед собою мальчика и девушку.

– Бонжур, госпожа монахиня, – сказал мальчик, подошел и стал рядом с ней. – Вы хранительница этой могилы?

– Я ухаживаю за ней, – подтвердила сестра Аглая.

Большие серые глаза мальчика смотрели приветливо и доверчиво. Женщина, подавшись странному чувству, протянула руку и взяла его ладошку. Он улыбнулся в ответ и присел с ней рядом на скамью. Девушка тоже подошла ближе, учтиво склонила голову в приветствии. Она остановилась у изножья могилы, внимательно рассматривая беломраморного ангела, изображенного печальным кудрявым младенцем. Потом стала читать надпись на плите.

– Здесь лежит моя сестричка, – сказал мальчик. – Она умерла сразу, как родилась. Давно уже. А то бы была сейчас совсем большой, как мадемуазель Элен, наверное.

Сестра Аглая поняла, что он говорит о девушке. Та повернула к нему голову, улыбнулась, но промолчала.

– Значит, вы молодой господин, князь Берестов? – спросила монахиня.

– Да. А здесь похоронена княжна Берестова. У нее даже имени нет, не успели окрестить.

Сестра Аглая чуть слышно вздохнула. Потом спросила:

– А как же ваше имя?

– Всеволод.

Мальчик немного помолчал и вдруг сказал тихо, почти шепотом:

– Наверное, хорошо, что сестричка умерла маленькой. А то бы она пошла с папой и мамой в театр. И сгорела бы, как они... Мучилась бы...

– Господь упокоит их души... Не плачь, милый, за свои мучения они теперь любимы Богом...

Сестра Аглая, как и другие обитатели монастыря, слышала историю гибели князя и княгини Берестовых, правда, без подробностей. За границей, в Париже, во время представления начался пожар в театре. Они оказались среди тех, кто не сумел спастись... Послушница прижала мальчика к себе, что-то ласково ему шепча, но взгляд ее был обращен к маленькой могиле. Туда же смотрела и девушка, мадемуазель Элен. Она знала то, что знала эта женщина – сестра Аглая. И очень хорошо понимала, как тяжело хранить такое знание в тайне.

4

– Мадемуазель Элен!

– Да, мадам.

Тамила Борисовна жестом пригласила девушку подойти. Алена приблизилась, внимательно склонила голову, готовая слушать хозяйку.

– Присядьте.

Госпожа Коробова сама села на софу и указала на стул напротив. Гувернантка скромно присела на краешек, сложив ладони на коленях. Черная юбка, не закрывающая щиколоток, бледно-голубая блузка, шелковая, скромно-элегантного покроя. «Под цвет глаз, – невольно подумала хозяйка. – У девочки есть вкус...»

– Я довольна вами, дорогая, – сказала она приветливо. – Князь Всеволод к вам привязался. И вы правильную тактику избрали: бедному мальчику очень нужен сейчас друг.

– Да, мадам. И мне нравится князь Всеволод. Он очень милый.

– Как воспитательница вы тоже себя хорошо проявили. Мальчик стал спокойным, даже веселым. И его русский язык намного улучшился.

– Должна сказать, мадам, что здесь мне не пришлось много трудиться. Он и без меня неплохо знал родной язык. Рассказывал мне, что родители постоянно разговаривали с ним по-русски.

– Вы скромны, это хорошо, – похвалила Коробова. – Но теперь он не должен забывать и французский.

– Ни в коем случае. Мы говорим с ним и по-французски.

Девушка вскинула ресницы и встретилась взглядом с хозяйкой. А та вдруг испытала странное чувство смятения – на одно мгновение. Но тут же взяла себя в руки, удивляясь: что это с ней?

– Вот и хорошо. Я напишу графине Гагиной, поблагодарю ее за то, что она рекомендовала мне вас... И вот еще что! Что это за разговоры о ночных походах в рыцарскую башню?

Гувернантка легко засмеялась:

– Это наш истопник Варфоломей рассказал князю местное предание о привидении в рыцарской башне. Всеволод мальчик смелый и с воображением. Ему очень хочется увидеть привидение.

– Что за фантазии! – пожала плечами Тамила Борисовна. – Я сделаю Варфоломею выговор.

– Таинственные сказки привлекают детей, – возразила серьезно девушка, сама еще похожая на ребенка. – Мы с князем не раз ходили в башню днем. Но днем привидение там не появляется. – Она улыбнулась. – Он хочет пойти туда ночью, в новолуние. Но я, конечно, запретила.

– Правильно, никаких ночных прогулок! К тому же... – Коробова сделала паузу, словно внезапно что-то вспомнила. Но девушке показалось, что пауза наигранная. – Вы, мадемуазель, спите рядом, в смежной с князем комнате. Не замечали вы по ночам каких-нибудь странностей в его поведении?

– Странностей? – Во взгляде гувернантки появилась озабоченность. – Нет, мадам, ничего особенного. Мальчик спит крепко. Не всегда спокойно, это да. Иногда, видимо, ему снятся тяжкие сны, он ворочается и вскрикивает. Но это редко и недолго. Я подойду, поглажу его по волосам, и он успокаивается.

– Вот-вот, я боюсь этих тревожных снов. Как бы они вновь не ввергли его в лунатическое состояние...

Девушка растерялась.

– Но почему... Неужели вы хотите сказать, что Всеволод ходит во сне?

– К сожалению, это так. Его мать, наша кузина, писала мне из Франции незадолго до гибели, что мальчик страдает сомнамбулизмом. От других она скрывала это, чтоб не травмировать случайно ребенка. Но мы – самые близкие родственники, от нас у князей Берестовых секретов не было... Ах! – Мадам расстроено прикрыла ладонью глаза. – Княгиня Елена словно предвидела, что мне нужно будет знать о мальчике все...

Мадемуазель Элен заметно опечалилась, прошептала:

– Бедный малыш... Но я ничего такого не замечала. Может, у него все прошло? Мне приходилось слышать, что от сильных потрясений нервные болезни не только возникают, но и проходят.

– Вы умная девушка... Дай Бог, чтоб все прошло. Но знаете, сомнамбулизм имеет обыкновение возвращаться. Так что следите хорошенько за вашим воспитанником.

Госпожа Коробова жестом отпустила девушку. Но когда та была у двери, вспомнила и вновь окликнула:

– Да, еще... Этот мальчик, который приезжал сегодня, мне представили его – племянник нашего соседа господина Бородина... Каков он? И как с князем, сошлись они?

– Воспитанный и добросердечный мальчик, – оживилась гувернантка. – Они понравились друг другу. Играли в мяч, беседовали. Князь рассказывал о Франции, а мсье Петрусенко – о Малороссии, где он живет. Всеволод пригласил его приехать и завтра.

– Что ж, – протянула задумчиво Тамилла Борисовна. – Бородины – достойная фамилия. Думаю, князю можно дружить с племянником Бородина.

Она махнула рукой, отпуская гувернантку.

Алена аккуратно прикрыла массивную дверь кабинета и, отодвинув темно-вишневую бархатную портьеру, вышла в холл. Двадцатый век называли веком электричества, но сюда оно еще не добралось. Когда поместье перестраивали последний раз, об электричестве еще не слыхивали, так что обширный холл первого этажа освещала только люстра с масляными светильниками. Стены были обшиты панелями орехового дерева, пол устлан мягким ковром такого же, как и шторы, темно-вишневого цвета. Девушка стала подниматься по широкой лестнице, тоже покрытой ковром, потом повернула направо и оказалась на просторной полутемной лестничной площадке – здесь горели всего три свечи в подсвечнике на стене. Она двинулась дальше, по коридору, в который выходило множество дверей. Одну из них девушка отворила и вошла. Здесь в нише тоже горела масляная лампа, в круглой печке, в углу, уже разгорелся огонь. Еще стояло лето, и днем от солнца трещинами покрывалась земля. Но каменные стены замка уже как бы предчувствовали приближение осени, пропитывая комнаты зябкой прохладой. И неделю назад госпожа Коробова отдала распоряжение отапливать жилые помещения.

Это была ее, Алена, комната. Кровать, дубовый стол, встроенный в стену платяной шкаф, кресло, ковер на полу, бархатные шторы на окне... Госпожа Коробова как-то сказала, что ей не нравится «Замок»: мрачный, старомодный, а множество плюшевых и кожаных диванов и тяжелые бархатные портьеры вызывают у нее отвращение. А вот девушке дом нравился. Он не казался ей мрачным. Таинственным – да! Но красивым и уютным. Родным. Ей казалось – она помнит его какой-то прапамятью... Но, конечно, этого быть не могло.

В ее комнате было три двери. Одна входная, из общего коридора, вторая – в ванную, и третий дверной проем, закрытый тяжелой портьерой, – прямо в комнату маленького князя Всеволода. Лоди...

Алена взяла подсвечник с зажженной свечой и осторожно вошла туда. Лодя уже спал. Сегодня он как никогда набегался со своим новым приятелем из «Бородинских прудов», потому лег вовремя, не капризничая и не пускаясь на хитрости. Обычно он старался оттянуть время сна, просил то почитать, то поесть или попить, или подольше поплескаться в ванне. Сегодня он уже крепко спал, безмятежно и умиротворенно. Девушка наклонилась над ним, отводя свечу так, чтоб пламя не светило в глаза, не тревожило мальчика.

«Какой он красивый, – думала она с нежностью. – Говорит, что похож на отца».

Она посмотрела на фотографию на прикроватной тумбочке. На ней были запечатлены князь, княгиня и пятилетний Лодя. Высокий, подтянутый мужчина в клетчатом, спортивного покрою костюме и кепи, со светлой русой бородкой, мягким взглядом и обаятельным лицом. На его руку опиралась княгиня – женщина со строгими серыми глазами, очень красивая, хотя и слегка располневшая. Лодя, несомненно, был похож на отца, но глаза – с густыми темными ресницами – явно материнские.

– Это мы в Булонском лесу, – объяснил он Алене, когда она впервые увидела фотографию. – Мы туда любили ходить гулять.

Сам он, стоящий между матерью и отцом, казался на фото совсем ребенком. За последнее время он сильно повзрослел. Но сейчас, спящий, снова был такой же беззаботный и беззащитный, маленький...

Девушка подоткнула сползшее одеяло. На плече мальчика, ближе к лопатке, было родимое пятно – светлое, но хорошо заметное. Она уже видела его: словно неровный треугольник с мягкими, сглаженными углами. Лодя с гордостью говорил ей, что такое же было и у его отца.

– И у сестрички тоже, но она умерла сразу, как только родилась.

У той самой сестрички, на чью могилу накануне их возил к монастырю в коляске Степан.

Алена поставила свечу на маленький столик, присела у кровати. Что-то не давало ей покоя. Вообще-то она постоянно жила в состоянии тревожной настороженности, но сейчас было иное... что-то конкретное... Да, разговор с мадам о сомнамбулизме. Лодя ходит во сне? Все может быть, но она не поверила в это. Во-первых, она три месяца рядом с мальчиком – и днем, и по ночам. Когда она его впервые увидела, со времени смерти его родителей прошло всего два месяца, и мальчик был растерянный, угнетенный, часто плакал. Но и тогда по ночам он спал, – пусть беспокойно, но чтобы ходить во сне?.. Потом из Москвы они приехали сюда, он успокоился, ожил, стал обычным ребенком. Не было и намека на сомнамбулизм, так что девушка не поверила госпоже Коробовой. Была у нее и другая причина не верить. Почему мадам вообще заговорила на эту тему? Неужели началось?..

Она встала, неслышно покинула комнату мальчика и вновь вышла в коридор. Немного дальше коридор под прямым углом поворачивал и выходил к черной лестнице. Алена спустилась по ней прямо в кухню. Там было светло, уютно и жарко от еще не остывших больших печей. За длинным деревянным разделочным столом, уже чисто вымытым и выскобленным, сидели кухарка Пелагея Никитична, Варфоломей и Степан. Это был их обычный поздний ужин. Девушку встретили приветливо.

– А вот и наша Аленушка, красавица! – захлопотала кухарка. – Сейчас я тебя накормлю.

– Садись сюда, деточка, – подвинулся старик Варфоломей.

– Тетушка Пелагея, – попросила девушка, – я не голодна. Мне бы только вашего чаю на травках да пирожок с вязигой.

Алена ужинала три часа назад за господским столом, как и полагалось гувернантке. Но она давно уже полюбила попозже, когда воспитанник засыпал, приходиться сюда, в кухню. Ей нравились эти простые добросердечные люди. Но была у нее и своя цель. Слуги любят поболтать и посудачить о господах. Скоро перестав стесняться «образованную барышню», они откровенно разговаривали, обсуждали, жаловались. Алена очень надеялась, что в нужный момент она услышит нечто важное, что поможет ей, предостережет...

– Боюсь я, дядя Варфоломей, рассчитает меня хозяйка, останусь без работы, – обиженным тоном протянул Степан, симпатичный веснушчатый парень лет двадцати пяти.

– Да что ты все переживаешь. Ведь ты все время при деле, вот Никитичне помогаешь, да мне, да на конюшне, и за кучера ездишь.

Варфоломей был старик, но еще крепкий, с мощными сутулыми плечами и сильными руками. Он помнил князей Берестовых, работал в «Замке» при них. Говорил он степенно, рассудительно. Но Степан все равно огорченно крутил головой:

– Нет, меня ведь брали сюда садовником, чтоб я сад обустроил. Да потом госпожа раздумала.

– Но ведь держат тебя, находят дело. А саду и правда уход нужен. Вон сколько лет за него не брались, совсем одичал.

– А что, Аленушка, – спросила кухарка, – господа собираются сюда и на следующий год приезжать?

– Как будто да, поговаривали, – сказала девушка.

– Ну вот, – обрадовался Варфоломей. – Коль будут приезжать, то сад до ума довести придется. Так что тебе еще помощников накажут подобрать.

– Не-ет! – Степан упрямо покрутил головой. – Вон вчера госпожа самолично по саду бродила, осматривалась, а на клумбу мою даже не глянула. Не нравится ей, видно...

– Как же такая красота может не нравиться! – всплеснула руками Пелагея Никитична.

Клумба, которую разбил Степан на месте, указанном самой госпожой Коробовой, Алене тоже очень нравилась. Степан высадил разные цветы-летники по спирали, великолепно подобрал оттенки.

– Когда, ты говоришь, мадам в саду гуляла? – спросила девушка.

– Так вчера, пополудни часа в три. Госпожа вернулась с прогулки верхом, велела Варфоломею коня своего на реку повести искупать, а меня на почту послала, за газетами и письмами. Да я на полпути почтаря встретил, взял все и быстро воротился. Хотел через сад пройти, гляжу – а она ходит там. Стала как раз недалеко от клумбы и каблучками о землю притоптывает. Чудно... Смех меня разобрал, так я быстренько и шмыгнул прочь, чтоб не увидала. Боюсь, когда она сердится...

Алена вспомнила, что вчера, как раз в это время, они с Лодей играли в поле за перелеском, встретили Сашиного отца, господина Петрусенко. И видели мадам верхом на коне. Она поглядела на них и ускакала. И пошла, значит, в сад? Дома, получается, никого не было, только Никитична готовила на кухне обед. Да кухня совсем в другом крыле дома, далеко от сада. А Тамила Борисовна одна ходила в саду... Странно это все.

Девушка допила чай, попросила:

– Пелагея Никитична, налейте еще чашечку. Такой вкусный у вас чай! Вы, наверное, все травы вокруг знаете?

– Знаю, милая, много травок целебных, верно. Матушка моя еще меня учила. Но не все, нет. Все знать – это трудная наука: какая травка от какой хвори лечит, а какая – калечит.

– Да разве в этих краях вредная трава есть? – удивилась Алена. – Я слышала, что в тропических странах, в Южной Америке да Африке есть ядовитые растения. А у нас, наверное, нет.

– Как же нет! Имеются. Только их знать надо.

Кухарка присела рядом, тоже прихлебывая чай. Сказала, таинственно приглушив голос:

– Есть у нас тут на хуторе лесном женщина одна. Все знают – колдунья. И мать ее, и бабка, и прабабка тоже... колдовали. Вот она все травы знает. И такие, что убьют сразу и без следа, или станут мучить хворью долго, а то – и в дурман вводят.

– Это ты, Никитична, о Сычихе говоришь? – оживился Варфоломей. – Госпожа наша тоже о ней меня спрашивала. Что, да как, да где живет. «Я сама, – говорит, – в это не верю, да местные предания интересно послушать».

– Вот как? – Алена усмехнулась странно, недобро. – А сама вас за сказку о рыцарской башне ругала...

5

Доктор Бородин много повидал на своем веку. Он путешествовал по красивейшим местам Европы, а в годы армейской службы и военных кампаний видел неповторимые пейзажи Дальнего Востока, Маньчжурии, Китая. Всему этому он отдавал должное, но настоящий душевный восторг испытывал лишь в родных краях.

– Может, я, Викентий, и старомоден, – говорил он, – да только никуда меня больше не тянет. Зачем? Ведь здесь – такое приволье! То смешанный лес, полный грибов и ягод, то он вдруг расступится, и прямо перед тобой – луг, степная трава по пояс, а от запахов голова кружится! Речушка бежит, над ней ивы склонились, за речушкой, на высоком берегу, сосновый бор. Пройдешь его, и откроется вдаль, на холме, церквушка старинная... Что там Италия! У нас своей старины столько! Ценить вот не научились... Нет, я отсюда никуда не уеду.

Викентий Павлович слушал шурина с улыбкой, попыхивая своей трубочкой. Можно было подумать, что Вадим только и делает, что гуляет по окрестностям. Вовсе нет! Он, конечно, большой знаток своего края, но есть у него страсть, которая затмевает все. Техника – вот чем занялся доктор Бородин, выйдя в отставку. Не избери он в свое время медицину, стал бы отличным инженером, изобретателем. Вот ведь какую мастерскую оборудовал! Но самая большая гордость доктора – вот он: беспроводный радиотелеграф! Новейшее изобретение нового века, до сих пор поражающее воображение людей. Еще не в каждом крупном департаменте появился радиотелеграф. А доктор Бородин в своем загородном доме имел его! Он выписывал несколько технических журналов – отечественных и зарубежных, и по приведенным там схемам сам сконструировал сложный аппарат. И теперь каждый день, в определенные часы, связывался по радиотелеграфу с несколькими такими же энтузиастами в Москве и Санкт-Петербурге. Еще не успевала прибыть в «Бородинку» почта со свежими газетами, а Вадим Илларионович уже знал все самые последние новости.

После вечернего чая Бородин и Петрусенко приходили в мастерскую, сидели, беседовали. «Мужские посиделки» – смеяась, называла их уединение Люся.

– Всего лишь неделя, как мы здесь, у тебя, а так славно отдохнули!

– Но вы не собираетесь так скоро меня покинуть? – обеспокоился доктор.

– Ну уж нет! Здешний воздух, настоящий на разнотравье, вымывает из организма всю дрянь. А какой покой входит в душу... Так что, Вадим, терпи нас до сентября, до десятого числа у меня и у Саши вакации.

– Вот и славно! Жаль, что Митенька не приехал. Но он уже самостоятельный юноша. Сколько ему? Семнадцать?

– Да, семнадцать исполнилось. Знаешь, когда он решил ехать в Крым, я поддержал его.

– Что ж, верно, верно... Дань памяти родителям...

Митя Кандауров, племянник Викентия Павловича, вырос в его семье, как сын. Мальчик остался сиротой в восемь лет. Когда Викентий Павлович встретил маленького князя Берестова, он вспомнил своего племянника: у мальчиков были одинаковые судьбы – гибель одновременно обоих родителей в катастрофе. Митин отец, Владимир Кандауров, был инженером, специалистом по организации железнодорожного сообщения. Когда в Крыму, на Байдарском перевале, стали прокладывать паровозные пути, его назначили одним из руководителей строительства. Через некоторое время, узнав, что муж приболел, к нему поехала туда Екатерина – сестра Викентия Павловича. Маленький Митя остался в семье Петрусенко – временно, как предполагалось. Но случилась трагедия. Оползни – частое явление в горной местности. Но такого огромного и страшного оползня в Крыму давно не помнили. Лавина сошла с гор днем, услышав грохот летящих со страшной скоростью каменных валунов и вывороченных с корнями деревьев, многие люди бросились бежать. Кое-кто успел спастись. Но поселок строителей и часть

дороги, где шли работы, накрыло, погребая заживо людей. Среди них были и Кандауровы – Владимир и Катя.

Это случилось девять лет назад. Тогда Викентий ездил на Байдарский перевал, прощался с сестрой и зятем. Родственники погибших решили не тревожить их общую могилу – разобрать завал было невероятно сложно. Потом, дважды в разные годы, уже с женой и подростком племянником, он приезжал на это место. Крымский наместник распорядился устроить могилу, и холм был уже обнесен красивым сквером. На вершине холма простирался в небоobelisk, а у подножия была вмурована в грунт мраморная плита с именами погребенных. Строительство дороги со времени трагедии долго не возобновлялось не только из-за происшествия: началась война, внутренние беспорядки, бунты. И только год назад железная дорога через перевал вновь начала строиться по несколько измененному, обходному маршруту. И вот этим летом, окончив курс гимназии и сдав на «отлично» экзамены в юридическую академию, Дмитрий Кандауров, теперь уже студент, заявил дяде и тете:

– Я завербовался строителем на байдарскую железную дорогу. Поеду, поработаю там до начала занятий.

Он не стал ничего объяснять, все было ясно. Продолжение строительства трассы означало, что его родители отдали свои жизни не зря. И он, их сын, хотел продолжить дело не только символически, но и конкретным трудом. Викентий Павлович сказал ему тогда:

– Это хорошая мысль, дорогой. Конечно, поезжай.

Но когда сын Саша узнал, что «Митенька едет работать в Крым», стал горячо проситься отпустить его вместе с братом. С малых лет он рос рядом с кузеном, ходил за ним хвостиком, каждый вечер старался улечься спать в комнату «к Митеньке», повторял за ним словечки и выражения. Он совершенно искренне считал, что будет Мите в Крыму помощником. Но Викентий Павлович и Людмила отлично понимали, что Митя едет трудиться по-настоящему, что работа на строительстве тяжела и не оставляет свободного времени. Мальчишка станет брату обузой. Митя уехал, конечно же, один, а разобиденного и недовольного Сашу родители повезли в гости к дяде Вадиму...

В эти час-полтора времени «мужского уединения» Вадим и Викентий говорили не только о семейных делах. Всегда разговор поворачивался к тем событиям, что происходили в стране и в мире. Вот и теперь, глянув на клубок телеграфной ленты у буквопечатающего аппарата, Викентий спросил:

– Что слышно из внешнего мира? Какие последние новости тебе передал твой московский собеседник?

Два часа назад Вадим Илларионович провел последний сеанс связи со своим коллегой-радиолобителем.

– Затишье, – он пожал плечами. – Все отдыхают, как и мы. Самый большой смутьян, наш Реформатор, слава богу, тоже еще у себя в Колнобережье пребывает. Надеюсь, государь и вправду даст ему другое назначение, как поговаривают со слов Витте.

Вадим Илларионович был идейным консерватором и, как все консерваторы, резко не принимал всех нововведений Столыпина.

– Но, Вадим, ты разве забыл: Столыпин в марте сам подавал в отставку, а государь не принял ее.

– Принял бы, если бы не вдовствующая императрица Мария Федоровна. Это она уговорила сына.

– И очень хорошо! Такими светлыми умами нельзя разбрасываться. Премьер-министр делает все возможное, чтоб увести Россию с гибельного пути бунтов и революций. Разве не прекрасно он сказал: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия»!

– «Великая Россия»! Поза, все поза! – воскликнул сердито Бородин. – Он сам же провоцирует эти великие потрясения. Еще министром внутренних дел был, а уже прикидывал, как

бы распустить Думу. И взлетел наверх как раз на гребне той волны, что погребла под собой Думу! А следом новая волна пошла – террористов и боевиков с бомбами и пистолетами!

– Вадим, разгул террора начался раньше! Уж я-то об этом знаю лучше тебя. С февраля девятьсот пятого, когда московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича убили. После этого, чуть больше чем за год, – пятнадцать покушений на губернаторов и градоначальников. На генерал-адъютанта Дубасова, на военного прокурора Павлова, на начальника главного тюремного управления Максимовского... И на самого Столыпина – да, уже после роспуска Думы.

– Разве этого не следовало ожидать? Согласись, Викентий! Но как человеку, я искренне сочувствую Петру Аркадьевичу. Как ужасно пострадали его дети, сын маленький и девочка! Сколько ей было тогда? Четырнадцать? Я согласен – Столыпин смелый человек. Помнит, что ходит как под приговором, но не уступает. Но как политика я его не принимаю, нет! Вот уже и новую Думу он подмять под себя хочет или опять же разогнать. К власти единоличной рвется наш премьер-министр, диктатором стать желает.

– А я другое вижу, милый мой доктор. – Викентий Павлович получал удовольствие от их дискуссии. – Своими реформами Столыпин тщится поднять одновременно и промышленность нашу, и сельское хозяйство. А в итоге – всю Россию.

– Как же, поднять! Запустить сюда иноземный капитал, чтоб заграничные магнаты скупили все наши богатства на корню! А теперь еще замахнулся на основы основ Российского державоустройства – на крестьянскую общину!

– Да, дорогой, многие бы с тобой согласились. Но я, прости, другого мнения. Еще пятьдесят лет назад, после отмены крепостного права, крестьянину – каждому! – нужно было дать возможность лично распоряжаться своей собственной землей. Я уверен: оттого и бунты начались, и погромы помещичьих имений, что крестьянин интуитивно чувствует – с ним поступили несправедливо. Община тяготит его, давит. Вон Европа! Хоть и тоже пережила всякие катаклизмы, но обошлась без социал-революционеров, подобных нашим. А секрет в том, что там крестьянин делом занят на своей собственной ферме.

Вадим Илларионович уже успокоился, однако сказал Викентию сердито:

– Россия – не Европа, известное дело. Что нашему человеку хорошо, то немцу – смерть. И вот что я думаю. Если начнет Столыпин все-таки общину крестьянскую ломать, то мы еще не таких катаклизмов дождемся! И голода, и бунтов страшных. Не дай Бог, конечно!.. А ты, Викентий, меня удивляешь: чиновник полицейской службы, и – либерал!

– Ну, положим, не либерал. Но именно служба позволяет мне видеть такое, что заставляет понимать: многое в нашей державе менять надо... Впрочем, как говаривал Цицерон: «*Naum sententiarum quae vera sit, deus aliquis viderit*» – Какое из этих мнений истинно, ведомо одному только Богу... Ладно, дорогой, времени, поди, уж много. Люся детей уложила, пойдем, погуляем вместе с ней в саду.

Вторая дверь из мастерской выходила прямо на террасу. Там, в кресле, сидела Людмила.

– Наконец-то! – воскликнула она. – Наговорились?

– Прости, дорогая!

Мужчины подхватили ее под руки с двух сторон и пошли по тополиной аллее через сад вниз, туда, где блестела вода одного из прудов.

– Что Саша? Завтра снова к Берестовым поедет? – спросил Викентий.

– Да, непременно. Он подружился и с маленьким князем, и с его воспитательницей. Они звали его. – Люся засмеялась. – Я его спать укладываю, а он все рассказывает, как они в какую-то рыцарскую башню ходили, да что по ночам там привидение бродит...

6

Сын того человека с собакой, которого они встретили на лугу, прибыл в «Замок» на следующий день. Он приехал верхом на спокойной лошадке в сопровождении слуги. Мальчик сразу понравился Алене: крепенький, крутолобый, как бычок, с веснушками, открытой улыбкой и доверчивыми глазами. Он учтиво представился хозяйке дома. Господин Коробов был в Москве, на службе, и ожидался только завтра – на выходные дни. Мадам Коробова поздоровалась с мальчиком и отпустила их играть.

Всеволод сразу повел Сашу на поляну перед домом. В одном ее конце была устроена небольшая площадка, разрисованная белой краской: какие-то круги и большой квадрат. У одной из линий высился столб, а на его верхушке торчала прибитая странная корзина – без дна. Другая корзина, обычная, стояла на земле. Из нее Всеволод достал красивый кожаный мяч, оранжевый.

– Вы, Саша, умеете играть в баскетбол? – спросил он гостя.

– Баск-кетбол? – Саша запнулся на необычном слове. – А что это? Это ведь не футбол?

– О, вы еще не слышали? – обрадовался мальчик. – Так я вам расскажу. Эту игру недавно придумали. В американском городе Спрингфилде, сами ребята из колледжа со своим учителем мистером Нейсмитом. Я уже видел в Париже, как настоящие команды играли, французская и американская. Нужно две корзины, с двух сторон – как в футболе двое ворот. И мяч вот так «ведут».

Он побежал по площадке, ударяя по мячу ладошкой, и вдруг схватил его в руки и бросил мадемуазель Элен. Та, наверное, этого ожидала, потому что сразу поймала, повернулась и бросила прямо в корзину. И попала!

Саша аж подпрыгнул от восхищения:

– Ловко! Я тоже хочу попробовать! Можно?

Сначала он учился попадать в корзину, и смеясь, и сердясь, и смущаясь. Но скоро у него уже получалось. Потом они стали играть: Саша и Всеволод против гувернантки. Уставшие и веселые, пришли на веранду, где их ожидал кувшин со сладким морсом и вазы с грушами, яблоками и малиной – пуар, пом и фрамбуаз, как говорил маленький князь.

В первый день Саша побыл в гостях недолго и вернулся домой с Максимом, который провел это время на конюшне со Степаном и Варфоломеем. Но князь Берестов, с разрешения своей тети, пригласил Сашу приехать на завтра на весь день. Потому утром, сразу после завтрака, Максим отвез мальчика в «Замок» в двуколке, сам вернулся в «Бородинку», договорившись, что приедет за ним часам к шести вечера.

На этот раз мальчики встретились, как старые друзья. И почти сразу перешли на «ты». Причем Саша узнал, что Лодя и гувернантку свою тоже зовет на «ты» и по имени – Аленка. Но только тогда, когда этого не слышат взрослые.

Они сразу побежали на площадку с корзиной и играли в баскетбол, пока их не позвали полдничать. На веранде стояли плетеные кресла и плетеный столик, накрытый полотняной вышитой скатертью. Ребят уже ждал горячий шоколад со сливками и блюдо с еще горячими хрустящими печеньями, которые Лодя называл «брийош», а Алена – «хворост». С аппетитом все уплетая, они весело болтали. Но вдруг Лодя понизил голос и наклонился ближе к Саше:

– Знаешь, у нас здесь есть привидение! Я раньше думал, что призраки водятся только в старинных французских замках. Мы были с папой и мамой в гостях у графа де Шамбертона в его замке на Луаре, там жил призрак одного предка графа, которого отравили ядом. Но мое имя тоже называется «Замок», и здесь тоже есть свой призрак!

– Вот здорово! – восхитился Саша. – Я никогда не видел привидений! Это, наверное, жутко страшно, но интересно. Я бы посмотрел. А ты видел?

– Не-е-ет... – Лодя глянул обиженно на свою гувернантку. – Оно ведь днем скрывается, а ходит только по ночам. А ночью мне не разрешают пойти туда. Но я когда-нибудь дождусь новолуния, притворюсь спящим, все заснут, и я проберусь в рыцарскую башню!

– В рыцарскую башню? А где это?

– Пойдем, покажу! – Лодя выпрыгнул из кресла. – Там и днем интересно, только призрака нет.

Мальчики вприпрыжку, болтая, побежали через старый сад. Алена пошла за ними по новой тропе. Проходя мимо клумбы, она непроизвольно замедлила шаг, как делала все последние дни. Что-то ее тревожило, но девушка никак не могла понять – что же? Вдруг Саша споткнулся, упал, тут же вскочил, потирая колено и сердито глядя под ноги. Потом махнул рукой:

– Коряга какая-то!

И побежал догонять Лодю.

Алена подошла и тоже поглядела – обо что же зацепился мальчик? Толстый изогнутый корень слегка выступает из травы, прямо на тропе. Мало ли их здесь! Да, но рядом нет деревьев: с одной стороны кусты жасмина и одичавшей малины, с другой – новая клумба. Девушка пригляделась, и ей показалось, что земля в этом месте не так сильно утрамбована. Она оглянулась на дом, на ближайшие кусты. Никого... Тогда быстро стала на колени и ощупала руками место на тропе вокруг торчащего корня. Не сразу, но ее чуткие музыкальные пальцы нащупали чуть заметный выступ, побежали по его периметру... Круглая крышка! Скорее всего, закрывает какое-то отверстие. Яму или колодец. Лежит плотно и совершенно незаметно. И никто из живущих в доме о ней не знает...

Никто?.. Похоже, недавно кто-то ее трогал. Но главное – клумба разбита на месте старой дорожки через сад. И потому появилась новая – как раз по верху этой незаметной и никому не ведомой крышки. А клумбу разбили по приказу госпожи Коробовой. Алена помнила, как они приехали из Москвы сюда, в имение, как через несколько дней мадам заявила, что надо привести в цивилизованный вид старый заброшенный сад. Кухарка посоветовала ей хорошего садовника Степана из близкой деревни Енино. Но сказала:

– Он хоть парень и молодой, да один не справится – уж так все заросло! Пусть возьмет двух или трех мужиков себе в помощь.

– Я выпишу ему помощников из Москвы, специалистов по устройству парков, – возразила на это хозяйка. – Пусть пока начинает сам работать.

Когда же Степан пришел, она вывела его в сад, объяснила:

– Здесь очень мрачно, нужна яркая цветочная клумба. Самое подходящее – вот это место.

Она указала на поляну, прямо по середине которой проходила тропа. Место и правда было хорошее для клумбы – открытое, солнечное, хорошо видное из окон второго этажа.

– А дорожка может проходить рядом, вот здесь...

И хозяйка сама первая прошла по тому месту, где сейчас и в самом деле протянулась уже натопанная тропинка.

«Об этом надо поразмышлять, обязательно, сегодня же!» – подумала девушка и поспешила за мальчиками. Тропа, пересекая сад, переходила в липовую аллею, спускавшуюся к реке Лопасне. Вот там, на нижней береговой террасе, и стояла «рыцарская башня», а по сути, каменный флигель с мезонином. Мезонин был стилизован под средневековую башню: узкая ротонда с островерхой ребристой крышей, окошками-бойницами. Когда-то во флигеле располагался чудесный маленький зимний сад, в аркадных нишах стояли статуи римских богов. Еще сохранились здесь мраморные основания для кадок под деревья, но самих растений давно не было. Во флигель теперь сносили старые предметы мебели, и когда Алена вошла вовнутрь, мальчики уже стояли на коленях у раскрытого сундука, перебирали его содержимое: старые журналы, клетку для птиц, сломанную подозрную трубу... Схватив эту трубу, они по винтовой лестнице устремились наверх. Оттуда Лодя позвал:

– Аленка, иди к нам! Мы будем высматривать врага.

– Да, – подхватил Саша. – Мы Ланкастеры, клан Алой Розы. Наш замок хотят взять штурмом Йорки...

Обедал Саша Петрусенко за общим столом, в большой гостиной, вместе со всей семьей. К обеду как раз приехал господин Коробов, и мальчик был представлен ему. Веселый приветливый мужчина расспрашивал Сашу о дяде Вадиме Илларионовиче, передавал ему привет. Однако Саша заметил, что он посматривает на жену с каким-то беспокойством, словно хочет о чем-то поговорить. Но госпожа Коробова этого не замечает, улыбается племяннику и ему, Саше, все предлагает то одно блюдо, то другое.

Максим уже прикатил за ним, ждал в двуколке, а Лодя все никак не отпускал Сашу. Да и тому еще не хотелось уезжать. Наконец они уговорились, что завтра Саша приедет тоже с утра пораньше.

К ужину Саша опоздал. Все уже допивали чай, когда он, умывшись и переодевшись, явился к столу. Потому отцу и дяде он успел только рассказать о замечательной игре в баскетбол. Потом мужчины ушли в мастерскую дяди Вадима, а Саша еще долго рассказывал маме о своих новых друзьях.

– Знаешь, мы с Лодей и Аленкой...

– Ты зовешь взрослую девушку, воспитательницу, просто «Аленкой»? – удивилась Людмила.

– Но, мама, князь, то есть Лодя, сам ее так зовет, но только чтоб никто-никто этого не слышал. Это их секрет, как будто они члены какого-то тайного общества. И мне тоже разрешили.

– А ты нам всем секрет и выдал! – подразнила его Люся.

– Но, мама! – Саша покраснел, одновременно смутившись и рассердившись. – Вы – другое дело! Ведь вы там не живете! И потом... вы же не выдадите нас?

– Конечно нет, милый, я шучу. Все твои секреты никто у нас никогда не выдаст, ты же знаешь...

Когда мальчик наконец уснул, уговорив разбудить его пораньше, она пошла в сад встретить мужчин. Вместе они спустились к пруду. Этот пруд, как и несколько других, образовался после того, как на реке Сушке была построена плотина – лет полтора назад, при знаменитых фабрикантах братьях Николае и Василии Кишкиных. Их парусиновая фабрика в Серпухове была крупнейшей в России, соперничая с полотняным заводом Гончарова. Там на 250 станках работали более пятисот человек, столько же вырабатывали пряжу по домам. В Серпухове и сейчас стоит грандиозный дворец фабрикантов Кишкиных, в котором они принимали однажды императрицу Екатерину II. Потом, правда, братья рассорились, учинили раздел своей парусиновой империи, и к концу восемнадцатого века незаметно и загадочно вся династия куда-то исчезла. А их дворец приобрели городские власти, и теперь там размещаются присутственные места: полиция, уездный и земский суд, архив, дворянская опека, казначейство, магистрат, зал дворянского собрания. А в первом этаже – еще и винные погреба. Доктор Бородин хорошо знал это здание. Он вообще интересовался историей родных мест, а братьями Кишкиными – особенно: его родные «Бородинские пруды» возникли в результате деятельности энергичных фабрикантов. Когда они разворачивали всю свое дело, то в городе им стало тесно. Они купили несколько окрестных сел и здесь, на Сушке, поставили плотины. На них устроили водяные толчеи пеньки и бумажную фабрику с молотами для глажки разных номеров бумаги. Да, когда-то здесь кипела бурная жизнь. Сейчас лишь несколько почти сровнявшихся с землей кирпичных островков напоминают об этом да одинокая каменная церковь за прудом, над оврагом. Но Вадим Илларионович рад спокойствию и тишине. Лишь кузнечики стрекочут, воды пруда мерцают, отражая крупные августовские звезды и тонкий серп молодого месяца.

– Новолуние, – тихо сказала Люся. – Время привидений.

– Да, так что там за призрак бродит по «Замку» князей Берестовых? – подхватил ее реплику Викентий.

– Маленький князь рассказал Саше, что по рыцарской башне бродит дух его далекого предка. Когда-то он служил при государе и был у того любимцем. Влюбился во фрейлину царицы, однако царь ему жениться запретил.

– Почему? – спросил заинтересованно Викентий.

– Об этом или легенда умалчивает, или мальчиков этот момент совсем не интересовал... Так вот, влюбленный рыцарь обиделся на царя и стал ни много ни мало разбойником. Грабил царские обозы, царских слуг убивал. Мстил, одним словом.

– Неплохо! И что дальше?

– А дальше его поймали и привели к царю. «Повинись, – сказал государь. – Стань передо мной на колени, и я тебя прошу».

– Значит, все еще любил своего фаворита? А тот, похоже, не повинился?

– Нет, не повинился. И царь его казнил.

– Что и следовало ожидать, – подвел итог Викентий и поцеловал жене руку – полусерьезно, полуплутиво. – А что же рыцарь-разбойник, вернее, его неугомонный дух, ищет в родных краях? Почему он не бродит по царским палатам и там не наводит на всех леденящий душу страх?

– Наверное, там хватает других привидений. А здесь тихо, спокойно. Может, он тоже хочет обрести покой?

Вадим Илларионович с улыбкой слушал веселый диалог сестры и Викентия. Потом взял их обоих под руки.

– Я эту сказку уже и раньше слышал. Она не так глупа, как может показаться. В ней – отголосок настоящих событий и настоящих лиц. Да ты, Люся, должна тоже помнить! Один из предков мальчика, Всеволода, был декабристом. Прадед его, Дмитрий Урбашев.

– Вот это уже интереснее! Расскажи, Вадим, – попросил Петрусенко.

Они сели на скамью, стоящую на горке над прудом, и доктор Бородин рассказал историю, имевшую прямое отношение к имению «Замок».

В двадцатые годы прошлого века усадьба «Замок» принадлежала молодому капитану кавалерийского полка Дмитрию Урбашеву. Он вступил в Северное тайное общество в 24-м году. 12 декабря 1825 года он был одним из тех, кто находился в квартире Кондратия Рылеева, когда приехал князь Трубецкой с известием об отказе Константина от престола и назначенной на 14 декабря переприсяге царю Николаю Павловичу. У Рылеева на его «Русских завтраках» постоянно собирались соратники-заговорщики. Сам хозяин был в тот день болен, лежал в жару, с ним сидел, меняя ему на лбу мокрые салфетки, князь Евгений Петрович Оболенский. Услышав от Сергея Трубецкого весть, они тут же решили: именно 14 декабря и надо начинать мятеж. Рылеев, Трубецкой и Оболенский вышли из кабинета к друзьям и объявили о решении. Среди всеобщего ликования Дмитрий Урбашев попробовал было сказать:

– Но ведь мы еще окончательно не выработали ни одного Закона для будущего благоустройства России! Не на пустом ли месте начинаем?

Но его обнимали, хлопали по плечам друзья:

– Главное – тирана свергнуть! Демократия и народу, и образованным людям мила! Потом государственный устав примем быстро!

А утром следующего дня получил Дмитрий Урбашев весточку из подмосковной родовой усадьбы «Замок»: его старый отец при смерти... Он был любящий сын, все бросил и поехал из Санкт-Петербурга в Серпухов, в «Замок». Застал отца живым, а через час тот скончался у него на руках.

Вот так и получилось, что капитан Урбашев на Сенатской площади в тот несчастный день не был. Товарищи, припомнившие его сомнения, высказанные накануне, решили, что он

отступился от них. Но когда начались повальные аресты членов тайных обществ, Урбашев тоже был взят и попал под следствие. Он мог бы повиниться, но отказался стать на колени перед императором. Был направлен на Кавказ, в Таманский полк, через два года заболел лихорадкой и умер. Была у него невеста – и в самом деле одна из фрейлин двора. Да после всех событий она скоро вышла замуж за другого. Урбашев, как и многие декабристы, был лишен дворянского звания. А поскольку и умер бездетным, его княжеский титул и состояние перешли к двоюродному брату, Берестову...

Становилось свежо. Люся поеживалась под легкой шалью, наброшенной на плечи. Середина августа – это все же не разгар лета. Собеседники встали и тихо пошли к дому.

– Мне эти ребята сразу понравились, – сказал Викентий Павлович, вспомнив свою встречу на лугу. – Как их Саша называет? Лодя и Аленка... Не часто бывает такая дружба между учеником и наставницей...

7

Сегодня в разговоре Саша Петрусенко сказал:

– Мой папа – следователь по особо опасным делам. Он очень хороший следователь, его и в Москве знают, и в Санкт-Петербурге. А в прошлом году он сам задерживал одного убийцу и был ранен!

Алена вспомнила встречу с господином Петрусенко – он представился Викентием Павловичем. Ей тогда сразу понравился этот мужчина. У него было приятное открытое лицо, светлые усы, обаятельная улыбка и веселые, добрые глаза. У его пса Тобика тоже такие же глаза – веселые и добрые. Но у господина Петрусенко еще и очень внимательные.

Весь вечер она и Лодя провели с господами Коробовыми: ужинали, рассказывали о своих дневных занятиях, слушали рассказы Георгия Васильевича о московской жизни. Все это время девушка не позволяла себе думать о происшествии в саду. Боялась, что взглядом или выражением лица насторожит мадам. Она ведь была для этих господ наивной девушкой – скромной, хорошо образованной, в меру неглупой... И только. Ей не хотелось посеять хоть какое-то сомнение на свой счет.

Только за полчаса до того, как маленькому князю нужно было ложиться спать, они с мальчиком остались одни в библиотеке. Он любил перед сном почитать, вот и теперь сидел с ногами в огромном плюшевом кресле и читал «Робинзона Крузо». Канделябр с пятью свечами ярко освещал небольшое пространство вокруг мальчика. Алена пристроилась сбоку, уже в тени. Она вспоминала, анализировала, оценивала...

Когда-то отец сказал ей: «Тот человек, кто один раз решился на преступление ради определенной цели, но цели не достиг, уже остановиться не может. Особенно если остался безнаказанным. Это психологический закон. В глубине его души уже всколыхнулись темные силы: злость, азарт и жгучая неудовлетворенность. Он обязательно захочет добиться своей цели и пойдет на повторное, на третье преступление – до конца!»

Отец был очень умным и проницательным человеком. Потому Алена, оказавшись здесь, в этом доме, называемом «Замком», жила в постоянном напряженном внимании. Ах, как это тяжело! Никто ведь не должен замечать ее настороженности. А она – не пропустить ни одного намека на угрозу маленькому Всеволоду, князю Берестову...

Что это за яма на дорожке в саду, закрытая крышкой? Случайно ли именно поверх нее проложена новая дорожка? Если нет, значит, приказ разбить клумбу там, на месте старой тропы, – это злой умысел! А если просто случайность? Ведь крышка совершенно незаметна за густым утрамбованным дерном. Может быть, это какой-то старый колодец, о котором уже никто не помнит, а может, там совсем неглубокая выемка, не опасная... И что теперь ей делать с этой находкой? Если все только случайность, надо рассказать. Люк откроют, проверят, яму засыпят – и все, никакой опасности. Но... если предположить злой умысел? Как тогда правильно поступить? Тоже можно рассказать и тем самым расстроить преступный план. Но тогда через некоторое время появится новая ловушка, о которой она, Алена, может и не догадаться. Значит, промолчать и наблюдать? Пристально, очень пристально...

Она посмотрела на мальчика. Он почти утонул в большом мягком кресле. Сбросил башмачки, одну ногу поджал под себя, вторую, в белом носочке, положил на подлокотник. Читал, чуть заметно шевеля губами. Книга была на русском языке. Алена улыбнулась: Лоде значительно проще было бы читать по-французски, но «Робинзон Крузо» его так увлек... Еще немного времени пройдет, и для него уже не будет разницы – русский, французский. Но надо, чтобы это время никто у него не отнял, не прервал...

Что это за странный разговор с ней вела вчера мадам? О том, что Лодя – сомнамбула! Но ведь она за три месяца все особенности мальчика изучила. Мгновенная смена настроения: от

веселого смеха до резкой, буйной вспыльчивости с рыданиями. Обидчивость, которую трудно предугадать – на совершенно обычное слово и поступок. Но и щедрость необыкновенная, и ласковость, с которой вдруг прижмется, обхватит за шею – до слез... Во сне он тоже поначалу, бывало, и плакал, и вскрикивал. Но теперь, в последнее время, Лодя стал ровнее, спокойнее, непосредственным и даже просто веселым мальчиком. И спит крепко, хотя, конечно, именно по ночам воспоминания все еще возвращаются к нему. Что делать – это надолго. Но чтоб он вставал и ходил, как лунатик, – нет, этого нет. Да и было ли когда-нибудь?

Дверь библиотеки скрипнула, заколыхалась тяжелая темно-вишневая бархатная штора. Вошла Тамила Борисовна в зеленом капоте, с чашкой в руке.

– Какая идиллическая картинка, – сказала с легкой усмешкой. – Однако час поздний, князю Всеволоду пора в постель.

Мальчик вскинул на нее умоляющие глаза и в первую минуту хотел, видимо, просить еще почитать. Но после мгновенной паузы вздохнул, закрыл книгу и протянул ее гувернантке.

– Ты, мой друг, сегодня много бегал, – продолжала мадам, наклоняясь к мальчику и трогая его лоб. – Мне кажется, у тебя небольшой жар.

– Да нет же, ма тант, – нетерпеливо ответил Лодя, тряхнув головой. – Я себя хорошо чувствую. Это у вас ладонь холодная!

Но Тамила Борисовна встревоженно наморщилась:

– Вот видишь, ты возбужден! А это признак жара. Но ничего, не страшно. Я принесла тебе напиток – очень хороший. Он успокоит тебя и вылечит. Утром встанешь бодрый, веселый. Выпей прямо сейчас.

Она протянула мальчику чашку – небольшую, темно-синего фарфора, такого тонкого, что края, куда не подступала жидкость, прозрачно засветились в отблеске свечей. Алена, как только мадам вошла в комнату, встала и теперь видела, что жидкость в чашке густая, темно-коричневая и горячая – легкий парок туманным облаком стоял над ней.

– Это что такое? – Лодя взял чашку двумя ладошками, понюхал. – Ой, как приятно пахнет!

– Травяной настой? – вежливо спросила Алена. – Пелагея Никитична заваривала?

Ей вдруг захотелось забрать у мальчика чашку. Но как бы она это объяснила? А мадам, коротко глянув на гувернантку, ответила:

– Да, кухарка сделала травяной чай. Она разбирается в травах.

И что-то было в ее взгляде: самодовольство какое-то или даже торжество. Но всего лишь миг. Потом приветливая улыбка осветила ее лицо.

– Вы, мадемуазель, когда проводите князя ко сну, спуститесь в мой кабинет, поговорим... Ну что, дружок, выпил?

Лодя глубоко вздохнул, переводя дух, протянул пустую чашку тете.

– Здорово, – сказал он. – Немножко горько, но вкусно.

У него сразу покраснели щеки, заблестели глаза. Он спрыгнул с кресла, засмеялся:

– Ой, голова кружится! Сейчас полечу!

И раскинул руки, как крылья. Мадам тоже засмеялась:

– Вот видишь, какой целебный чай. Но все – спать, спать!

Ванну мальчик принял еще перед ужином. Поэтому сейчас только почистил зубы мятным порошком. И если по лестнице вверх бежал вприпрыжку, то сейчас, в комнате, разделавшись полусонный, глаза слипались. Девушка помогла ему натянуть пижаму, уложила. Когда накрывала одеялом, Лодя уже крепко спал.

«И вправду целебный настой», – подумала она. Но все же перед тем, как идти к госпоже Коробовой, спустилась по боковой лестнице в кухню.

– Пелагея Никитична, – спросила кухарку. – Вы травку настаивали для князя?

– Я, деточка, я, а кто ж еще! Хозяйка сказала: забегался он, может простудиться. Я и заварила мать-мачеху, да чабрец, да душицу, мяту, конечно, и листик смородиновый... Милое дело! А что, выпил он? Понравилось?

– Да, очень понравилось. – Алена успокоилась.

– Попьешь с нами чай? С пирожками?

– Может, попозже. Сейчас мадам меня к себе звала.

– Ну, тогда у нее и почаевичаешь, – закивала кухарка. – Я ей только что отнесла большой чайник заварочный, свежего, крепкого чаю сделала. А в кабинете у нее на столике уже две чашки приготовлены, печенье.

– Это она, наверное, для себя и Георгия Васильевича приготовила, – усомнилась девушка.

– Да барин уже спит, – сказала кухарка. – Притомился с дороги.

Когда Алена, постучав, вошла в кабинет госпожи Коробовой, та ждала ее на стуле у чайного столика с приборами, по-домашнему: в том же капоте, приветливо улыбаясь. Повинуясь приглашению, Алена села на такой же стул с высокой резной спинкой. Это было впервые, чтобы хозяйка усадила гувернантку с собой чаевничать. Но мадам сразу объяснила:

– Я все три месяца присматривалась к вам, Елена. Боялась, не слишком ли вы молоды, сумеете ли завоевать авторитет у князя Всеволода. Он ведь ребенок своевольный, избалованный. Однако теперь вижу, что вы девушка серьезная, оказываете на него хорошее влияние, и он вас слушается. Думаю, со следующего месяца мы повысим вам жалованье.

– Спасибо, мадам. – Алена скромно опустила глаза. – Я рада, что вы мною довольны. И что князь Всеволод понемногу забывает о страшной трагедии. Если позволите, я скажу... Вы совершенно правильно сделали, решив привезти его сюда. Здешний воздух и природа оказались для мальчика благотворны.

– Он спит?

– Да, заснул мгновенно. Травяной чай Пелагеи Никитичны просто волшебный.

– Вот и отлично, – сказала мадам. – Давайте и мы с вами выпьем чаю. Не травяного, правда, а настоящего английского, собранного на Цейлоне.

Она налила в две красивые чашечки янтарного цвета горячий напиток, подвинула приветливо девушке сахарницу и вазу с печеньем. Первая отхлебнула:

– Чудесно!

Поднеся чашечку к губам, Алена ощутила приятный, но незнакомый ей аромат. В сознании тревожно дернулась постоянно натянутая струна-предостережение. Она сделала вид, что отпила, сама же лишь обмочила губы, стараясь понять вкус. Чай был приятный, но непривычно-незнакомый. Мадам должна была ожидать удивленного вопроса, и девушка так и поступила.

– Что это? – спросила. – Я такого чая никогда не пила.

– Нравится? – улыбнулась Тамила Борисовна.

– Да-а, как будто... Непривычно только.

– Конечно, вы такого не пробовали, – согласилась Коробова. – Это чай с бергамотом. Цитрусовое растение оттуда же, из Цейлона. Точно не знаю, но, кажется, корочку плодов тонко нарезают, сушат и смешивают с лучшими сортами чая. У нас в России это еще новшество, но в Англии и Франции чай с бергамотом пьют давно. Мы и привезли его из Франции. Пейте, не стесняйтесь...

Алена вновь пригубила чашку, делая вид, что пьет. Но вдруг озабоченно напряглась, словно прислушиваясь.

– Простите, мадам, – сказала, отставляя чашку. – Мне хочется поскорее подняться к себе, проверить, все ли в порядке с князем. Позвольте, я допью этот чудесный чай у себя в комнате?

Коробова слегка нахмурилась, но тут же улыбнулась:

– Похвально, похвально, вы заботливая воспитательница. Что ж, идите... И знаете, прихватите с собой весь поднос – чайник, печенье. – Тамила Борисовна игриво покачала головой. – Я знаю, вы подолгу читаете перед сном. Это приятнее делать, попивая чай с печеньем.

Поблагодарив, Алена взяла поднос и вышла из кабинета. Поднимаясь по покрытым ковром ступеням на второй этаж, она шла, вскинув подбородок и крепко сжав зубы. Вкус чая с бергамотом был ей прекрасно известен. То, что налито у нее в чашку и в заварочный чайник, и близко похоже не было!

Отец Алены именно во Франции полюбил вкус чая с небольшой добавкой бергамота. У себя в городе, в единственной лавке колониальных пряностей, он заказывал цейлонский чай с бергамотом. Они жили достаточно обеспеченно и могли позволить себе эту роскошь – отменный чай.

Занеся поднос к себе в комнату, девушка быстро и бесшумно закрыла дверь на ключ. Что же она пила? Отраву? Но зачем? Напиток может быть отравлен только в единственном случае: если мадам знает, кто есть гувернантка и зачем она здесь. Но Алена убеждена совершенно: этого знать госпожа Коробова не может. Но даже и тогда... Смерть девушки ведь надо как-то объяснить! А это – переполох, внимание полиции. И тогда главной своей цели госпожа Коробова не добьется. Но, может... Ах ты господи, ведь Лодя тоже пил какую-то траву!

Девушка распахнула штору, разделяющую ее комнату и спальню князя. На мгновение показалось: мальчик не дышит! Но тут же увидела – он спокойно спит. Села в кресло рядом с его кроватью, взяла себя в руки.

– Во-первых, успокоиться, – сказала сама себе. – И обо всем хорошо подумать...

Она отпила чаю совсем немного, но вдруг, вздрогнув, поняла, что чуть было не заснула. Ресницы тяжело опускались, закрывая глаза, голова клонилась к плечу.

«Вот и ответ, – поняла Алена. – Это снотворное. Значит, сегодня ночью я должна крепко спать. Зачем?»

Она встала, быстро прошла в ванную комнату, умылась холодной водой, сильно растерлась полотенцем. Мысль заработала четко, энергично. И сразу же девушка вспомнила рассказ Степана о «танцующей» в саду мадам Коробовой. О том, что она пристукивала каблучками на тропинке, напротив клумбы. Похоже, как раз там, где Алена сегодня обнаружила какую-то яму, закрытую крышкой...

Что же делать, на что решиться? Может быть, попросить у кого-то помощи? И вновь она подумала о господине Петрусенко – «очень хорошем следователе», как сказал его сын. И который самой Алене тоже симпатичен. Но что она ему скажет: яма в саду, странный вкус чая... «И что?» – пожмет тот плечами и будет совершенно прав. Рассказать о другом, о самом главном? Нет! Она к этому еще не готова. Да и тогда госпожа Коробова может вывернуться, может! Есть лазейка...

Так ничего и не решив, девушка встала, бесшумно прошла по комнате. «Ладно, – подумала, – это все подождет. Сейчас главное – не спать. Ведь недаром чай со снотворным дан мне именно сегодня». Страх не было, только сосредоточенность и тревога: сумеет ли она в нужный момент все сделать так, как надо?

Алена подошла к двери, выходящей из комнаты мальчика в коридор. Она не запиралась. В первый же день их приезда в «Замок» мадам сказала:

– От этой комнаты нет ключа. Можно заказать новый, но я считаю – он не нужен. Дверь в комнату ребенка не должна закрываться, мало ли что может случиться! Потребуется быстро войти к нему, помочь...

Но Алена придумала кое-что. Каждую ночь, когда Лодя уже спал, она приносила и прислоняла к двери железный совок от каминного прибора. Камин в ее комнате не топился, но подставка с приборами при нем имела. Совок девушка пристраивала у двери. Если бы кто-

то пытался ночью войти в комнату или даже просто заглянуть, совок бы с грохотом упал. А спала Алена чутко. Однако этого ни разу не произошло.

Девушка взяла в своей комнате совок, но вернуться в комнату мальчика не успела. Чуть слышный шорох отворяемой двери заставил ее замереть у шторы, разделяющей их две комнаты. «Ударю совком!» Страх не было, только напряжение и злость. Она чуть отодвинула штору, но увидела лишь слегка приоткрытую дверь. Через несколько мгновений дверь осторожно медленно закрылась. Кто-то поглядел на спящего мальчика – и все.

Алена продолжала стоять, не шевелясь, сжимая в руке совок. И услышала, как по коридору кто-то прошел несколько метров – от комнаты Лоди до ее комнаты. Теперь осторожно подергали ее дверь. Но та была заперта.

– Мадемуазель Элен! Мадемуазель Элен! – послышался голос, негромко зовущий ее. Зинаида, старая служанка мадам, ее доверенная особа! Конечно же, Алена не подала ни звука: она ведь сейчас должна крепко спать, напившись чаю.

Грузная и уже старая служанка старалась идти бесшумно, но у нее не получалось. Но вот ее шаги совсем затихли. Алена осторожно вошла в комнату Всеволода, вновь села в кресло у кровати, не выпуская из рук совка. Значит, все-таки сегодня! Что-то произойдет этой ночью. Господи, как страшно! И как одиноко. Но она предупреждена. «Praemonitus praemunitas – Кто предупрежден, тот вооружен», – говорил ее отец.

В этот момент мальчик поднялся. Только что спал и вдруг резко, молча сел, глядя на нее. «Лодя!» – хотела воскликнуть она, но в тот же миг поняла, что он смотрит не на нее, а как бы сквозь. И вообще ее не видит. Широко открытые, неподвижные глаза мальчика были прикованы к окну. Там, сквозь прозрачные занавеси, светил тонкий, но очень яркий серп месяца.

– Ле нувель Люн...

Губы мальчика шутя шевельнулись, но в тишине его голос прозвучал ясно.

– Иль вяндра... А ля тур...

«Новолуние... Он придет – в башню... – повторила мысленно за ним Алена. – Господи, что же это?..»

Босые ноги мальчика выскользнули из-под одеяла, медленно опустились на пол.

«Он спит! – поняла Алена. – Сомнамбула!»

Сердце сжалось от страха и от жалости к малышу. А Лодя уже ступил шаг, второй. Руки вытянуты вперед – он идет к двери.

Бесшумной тенью метнулась мимо него девушка, неуловимо быстрым движением встала железный совок в массивную, гнутую дверную ручку. С легким лязгом совок опустился до упора, прочно заклинив дверь. И почти сразу руки мальчика коснулись двери, нащупали ручку, толкнули ее раз, другой... Потом он так же медленно прошел сквозь штору в комнату гувернантки, попробовал открыть ее двери. Вновь вернулся к себе, вновь попытался выйти...

Девушка тихо ходила следом, отступив два шага. Она знала: во время снохождения нельзя окликать человека, трогать его, пытаться разбудить.

Через некоторое время мальчик вернулся к постели, забрался под одеяло, лег, подсунув ладошку под щеку, и закрыл глаза. Мгновение спустя он спал обычным сном, ровно дыша. Алена стояла над ним, до конца не веря, что все кончилось. Вдруг поняла, что дрожит, лоб покрыт испариной, а ноги подкашиваются. Она опустилась в кресло, стала дышать глубоко, ровно, чтобы успокоиться. Мысли, смятенные, лихорадочные, постепенно выстраивались в логическую цепочку.

«Вот, значит, как! Нас опоили! Чтоб я спала непробудно, а он – проснулся. Но не просто, а сомнамбулой. В этом состоянии люди стремятся к недостижимой мечте. Что ж, Лодину мечту предсказать не трудно, все дни он только и твердил: «Хочу в рыцарскую башню, увидеть призрака!» Значит, пока я сплю, он выходит в парк, на тропу...»

Алена не сдержала легкий стон. Все-таки ловушка – на тропе? А может, в самой башне? Ведь лунатику нетрудно забраться на самый верх, а там – стоит лишь его испугать, окликнуть, он просыпается и падает!..

Голова раскалывалась. Лишь в одном девушка не сомневалась: сегодня ночью Лодя должен был погибнуть – словно бы случайно. И обвинить можно будет лишь ее: гувернантка проспала, не уследила! А мальчик был лунатиком – этот факт наверняка известен многим: госпожа Коробова постаралась!

Так что же за траву она дала Лодю? Страшное зелье, вводящее человека в сомнамбулизм! Уж конечно не настой, что делала Никитична. Добавила в него что-то? Или...

Алена вдруг вспомнила: буквально вчера кухарка рассказывала о колдунье... Сычихе, кажется. Которая умеет и лечить, и болезни напускать травами. Уж не оттуда ли питье для Лодя?

Она сидела у постели мальчика, изможденная физически, но собранная, напряженная, готовая в любой момент вскочить. Не замечала, как летит время. Серые сумерки, чуть подкрашенные предутренней зарей, уже вливались в комнату, когда из сада, близко, раздался крик. Протяжный, полный ужаса.

8

О колдунье с хутора Дурдово Тамила Борисовна слыхала еще много лет назад, когда жила здесь по просьбе княгини Елены Берестовой. Тогда, на исходе лета, княгиня дохаживала последний месяц беременности. Ее и радовало, но и очень страшило приближающееся событие. Потому, наверное, и пригласила пожить к себе до самых родов единственную родственницу – Тамилу Коробову.

Обе женщины тогда были молоды. Княгине Елене только исполнилось 25 лет. Тамила – на три года старше, и у нее уже рос пятилетний сын. Правда, его она не взяла с собой в «Замок»: мальчик очень резвый, игривый, бегает – вдруг случайно налетит на беременную женщину, травмирует или испугает! Он остался в Москве с няньками. Княгиня Елена во всем доверяла подруге: ведь та уже рожала, знает множество вещей, необходимых беременной и роженице...

Страх перед родами сделал Берестову пугливой и суеверной. Вот тогда-то от нее Тамила и услышала о колдунье.

– Страшно мне, колдунья по ночам над домом летает! Не к добру это!

Князь Роман стал подсмеиваться над женой, стараясь шутками отогнать страх.

– Это кто же летает? Пресловутая Сычиха? С детства помню всякие небылицы про нее. Еленушка, голубушка, это все сказки крестьян да дворни!

Княгиня Елена в «Замок» приехала всего лишь второй раз. Первый, сразу после свадьбы, Берестовы заезжали сюда лишь на неделю. Тогда она ничего о колдунье не слыхала. Когда же, в середине срока беременности, у молодой женщины начались невроты и приступы депрессии, врачи посоветовали ей уехать в тихое место, на природу. Муж привез ее в родовое имение «Замок». Здесь княгиня Елена ожила, повеселела. Но с приближением родов вернулись пугливость, нервозность. Ежедневно князь посылал в Серпухов коляску за доктором. Поначалу-то они приехали сюда со своим доктором, но тот, пожив немного и убедившись, что с княгиней все в порядке, запросился обратно в столицу – там ждали другие пациенты. Перед отъездом сам нашел в Серпухове очень хорошего и опытного врача. Именно его и привозили ежедневно в «Замок», а князь Роман уговорился, что дня за три до предполагаемых родов врач поселится в «Замке». И вот теперь Елена от кого-то узнала о колдунье...

– Да что же ей летать! – шутил князь. – Ведь теперь не май, не Вальпургиева ночь, ведьмы не собираются на шабаш!

– Но я сегодня видела! Сама! Ночью, когда ты спал, душно стало, я вышла на веранду. Тень огромная скользнула над крышей и – к лесу.

– Так ведь сова, наверное, – успокоила ее Тамила.

– Или аэроплан, – засмеялся князь.

Княгиня посмотрела на них укоризненно.

– Да, конечно... Сова размером с человека... И аэроплан – ночью, бесшумно...

С тех пор Тамила Борисовна не вспоминала ни о какой колдунье. А вот оказалась в «Замке», и в памяти всплыл тот разговор. Энергично заработало воображение. Очень ей нужно было решить одну проблему – затем и приехала сюда, в «Замок», воспитанника привезла. И план конкретный уже был, только детали еще до конца не продуманы, не решены. А детали в таком деле – очень важны...

Стала она расспрашивать слуг – как бы ненароком. А Зинаиде своей поручила у сельчан из близких деревень разузнать побольше. И вот теперь кое-что знала. Колдунью прозывали Сычихой – да, именно так назвал ее когда-то и князь Роман. Было ей лет несчетно – даже старожилы помнили ее всегда старухой. Жила она на хуторе близ села Починки. Хутор считался нечистый: раньше там много колдунов жило. Теперь одна Сычиха осталась. А может, и не одна: летает к ней какой-то коршун-оборотень, черный поросенок с ней живет, не вырастает

в кабана. Старуха очень сильная колдунья, да вот добрая или злая – тут мнения расходятся. Может она на человека порчу наслать, в гроб уложить. А может почти из гроба поднять, вылечить. Если, конечно, захочет. Потому хоть и со страхом, но люди к Сычихе ходили.

Что тут было правдой, что придумкой, Тамилла Борисовна разбираться не собиралась. Главное она поняла: старуха умеет влиять на состояние человеческого организма. Вот это ей и было нужно, поскольку расплывчатые детали уже к этому времени приобрели конкретность. Оставался неясным последний штрих: как заставить мальчика делать то, что нужно? Коробова очень надеялась на старухины чары.

Все в доме знали, что мадам очень любит ездить верхом. В конюшне ее всегда ждала наготове резвая, но послушная кобылка Ласточка. В то утро она уехала рано и долго не возвращалась, как часто бывало. И ни одна душа не видела, как она, проскакав в сторону Починок, свернула в одном неприметном месте от излучины реки Лопасни.

Дорогу Тамилла Борисовна вызнала заранее. Зинаида рассказала ей, что все вокруг только и судачат о ярмарке в Починках. Коробова мгновенно поняла: вот хороший предлог поехать туда. Вдвоем со своей служанкой-наперсницей она поехала на ярмарку, долго ходила в шумной толпе гуляющих и торгующих крестьян да купцов на площади перед церковью Михаила Архангела. Барыне почтительно показывали товар, она кое-что покупала, не скупясь. А тем временем Зинаида шныряла по толпе, расспрашивала, выведывала. Когда уезжали, сказала кучеру Степану:

– Поедем другой дорогой, по крутояру.

А по пути, в одном месте, показала хозяйке чуть заметную тропинку, уходящую в лес:

– Вот дорога прямо на хутор Дурдово, к Сычихе.

Теперь, верхом, Коробова вновь ехала этим крутояром, свернула по тропинке в лес. Та скоро привела ее к оврагу, спустилась на сырое дно, к студеным чистым ключам. С одной его стороны поднимались гигантские ступени каменных террас, словно возведенные руками мастеров. Но нет, это были творения природы. Тамилла Борисовна почувствовала себя песчинкой среди этих глыб. Стало тревожно. Но тут тропа обогнула террасу, открылся луг, а с самого его краю прилепились пять или шесть изб – хутор колдунов. Безлюдный, тихий, словно совсем лишенный жизни. Коробова решительно направила к нему лошадь.

Безопаснее было бы, конечно, послать сюда Зинаиду. Та служила при Тамилле Борисовне с незапамятных времен, еще до замужества Коробовой. Была влюблена в свою хозяйку и предана безоговорочно. От Зинаиды у Коробовой тайн не было. Ведь именно эта служанка и соратница помогла в свое время рискованной и дерзкой интриге, на которую хозяйка решилась совершенно неожиданно, без подготовки, спровоцированная обстоятельствами. И все удалось, спасибо Зинаиде. Но это было давно, а теперь служанка превратилась в старую развалину, не только передвигалась с трудом, но и плохо соображала. А ведь всего на пять лет старше Тамиллы Борисовны! Да разве сравнить слегка полнотелую, но стройную и величественную осанку хозяйки, ее пронзительный быстрый взгляд, и обрюзгшую Зинаиду с опухшими ногами, пугливо-суетливыми глазами! Она, конечно, еще помощница, но не для такого сложного дела, как встреча с колдуньей.

Лишь когда Тамилла Борисовна подъехала к хутору совсем близко, она увидела на пригорке, у самой кромки леса, словно бы спрятанную каменную часовню – заброшенную, ветшающую. Вокруг нее – такой же неприкаянный маленький погост, обнесенный ажурной оградой на каменных столбах. Видны были остатки вроде бы даже памятников, но и они, и кресты, и ограда старели и рушились.

Вдруг раздался визг, и под ноги лошади бросилось маленькое черное существо. Ловко увернувшись от копыт, оно побежало рядом, радостно похрюкивая.

«Поросенок! Черный! Однако – и правда ведь!»

Коробова вдруг впервые ощутила суеверный страх, но одновременно и возбуждение. Может ли так быть, что и все остальное, что приписывала молва Сычихе, – тоже правда? Что ж, посмотрим!

Поросенок бежал рядом и чуть впереди, часто оглядываясь. Оглянется, хрюкнет и дальше бежит. Будто дорогу указывает, зовет за собой.

Коробова с удивлением отметила, что дома на хуторе тихие, нежилые, но не ветхие, справные. словно хозяин отлучился ненадолго и вот-вот вернется...

Но вот поросенок юркнул в отворенную калитку одного дома и сразу ткнулся пяточком в колени старухе, сидевшей у крыльца под раскидистым кустом ирги, усыпанном темными ягодами. Сидела Сычиха в удобном плетеном кресле, в расшитом серебром и стеклярусом длинном платье, в лайковых перчатках и широкой соломенной шляпе с лентами. На миг Коробову взяла оторопь. Любое страшилище ожидала она встретить: каргу с клюкой, однозубую ведьму... Но у respectable-чудной старухи была прямая осанка, насмешливый взгляд прозрачных янтарных глаз и ровные белые зубы, которые блеснули, когда она заговорила:

– Здравствуй, душа моя. Давно тебя жду.

Тамила Борисовна непременно подумала бы, что ошиблась, не туда заехала. Но вот черный поросенок – как раз такой, о котором ходили легенды...

– Меня ждали? – спросила она осторожно. – Вы не ошибаетесь?

– Тебя, тебя, Милка, не сомневайся!

Старуха произнесла это так, что Тамила Борисовна сразу поняла: она ее назвала по имени. Но откуда?... Значит, и впрямь колдунья!

Женщина спешила и, стараясь не выдать смятения, стала напротив кресла.

– Мне нужно с вами обсудить одно дело. Поможете, я щедро заплачу...

Старуха вдруг встала, и это ее внезапное движение заставило Коробову непроизвольно вздрогнуть. Колдунья была высока, фигура и движения совсем не старческие. Только сильно морщинистое лицо и бездонная глубина глаз выдавали ее возраст.

– Помогу, – сказала она. – И ты, конечно, заплатишь. Но так, как я того захочу. Ме компрене ву?

Несколькими мгновениями раньше Коробова приказала себе: «Ничему не удивляться!» Потому лишь вскинула брови и ответила:

– Же ву зе бьен компри... Будем и дальше изъясняться по-французски?

Старуха засмеялась хриловато и сделала приглашающий жест:

– Войдемте в дом, там поговорим.

Черный поросенок опрометью метнулся на крыльцо, уперся пяточком и передними копытцами в дверь и распахнул ее. Женщины вошли следом за ним.

– Что? – спросила насмешливо из-за плеча Коробовой колдунья. – Пока ехала, небось представляла берлогу с открытым очагом да пучками сушеных ящерок? А после разговора со мной – канделябры гадала увидеть и зеленые ломберные столы? – Она хихикнула. – Ан нет, я живу скромно, по-простому.

Комната и правда была скромной, чистой, аккуратной. Пол устлан мягкими половиками, у окна стол под белой скатертью, на окнах веселые ситцевые занавески, цветы в горшочках.

– Как вас зовут? – обратилась к хозяйке Тамила Борисовна. – Как-то не хочется называть Сычихой.

– А и не называй! Хотя прозвище мне это не обидно. Люди уже и не помнят, что оно – от фамилии моей, Сычева. А по имени – Евстафия Исидоровна... Садись, душа моя.

Она подвинула госте деревянную табуретку, сама села на лавку у стены. Черный поросенок тут же вскарабкался ей на руки. Коробова планировала не затягивать дело, сразу спросить старуху о нужных отварах. Но все увиденное разбудило в ней любопытство.

– Вы и вправду живете здесь совсем одна?

– Это людям представляется, что одна я тут. Но это место – лишь горница, где я отдыхаю. Старуха бросила странный взгляд в окно, и Коробовой вдруг показалось, что «это место» – не дом этот, и даже не хутор. Уж не весь ли мир имела в виду колдунья?

– Верно почудилось тебе! – Евстафия Исидоровна засмеялась. – Я прихожу сюда и ухожу отсюда, когда сама хочу. У священного дерева верховного бога Езуса множество ветвей, как множество миров вокруг нас. Я, жрица Тараниса – бога грома, – могу бывать повсюду...

Голос старухи то падал, то поднимался, словно вибрировала струна. И сердце Тамилы Борисовны подчинялось этому рвущемуся ритму. Она открыла рот, пытаясь вздохнуть, задыхаясь, и в этот момент за окном раздался громовой раскат. Ясное безоблачное небо с треском располосовала ослепительная молния.

– Не пугайся, Милочка, – проворковала старуха обычным голосом, мгновенно преобразившись. Только вновь показалось Коробовой, что она словно по имени ее назвала. – Не бойся. Ты ведь образованная женщина, о друидах, надо думать, слыхала. Я – жрица друидов, все четыре стихии мне подвластны. – И она махнула рукой, указывая в окно, где вновь безоблачно светило солнце.

Тамила Борисовна уже взяла себя в руки, хотя озноб еще бил ее, хотелось обхватить руками свои плечи, согреться. Но страх уже вытесняло радостное возбуждение: «Неужели правда друидка? Они же – очень сильные чародеи. Все могут... Обещала помочь...»

– Но, Евстафия Исидоровна, – проговорила Коробова, и голос ее дрогнул. – Друиды, это же Англия... невообразимая древность... И потом... они приносили человеческие жертвы...

– Что такое древность? – спросила старуха, качая головой. – Время подвластно нашей силе. А жертвы... Что же... Ты вот сама, душа моя, зачем ко мне пришла? За помощью в жертвоприношении?

Голос колдуньи был ласковым, но глаза глядели холодно, жестко. Вновь Коробовой стало страшно.

– Я только хотела попросить у вас снадобье... на травах. От бессонницы, во-первых.

– Это пустяк! – старуха не сводила с нее глаз. – А во-вторых?

Коробова стала торопливо объяснять:

– Видите ли, дорогая Евстафия Исидоровна, вы женщина образованная, поймете меня... Я сочиняю романы. Да, да, пишу книгу для одного столичного издательства. А там одна моя героиня ходит во сне: сомнамбулизм у нее. Хочу описать, как все происходит, что она испытывает, – не получается! Я решила – надо самой испытать состояние лунатизма. Но как? Вот, слыхала о вас как о большом знатоке разных трав. Может, и такая трава есть, чтоб сомнамбулой человека делать, на время, конечно?

Коробова вопросительно смотрела на колдунью. Та молчала, как будто чутко прислушивалась. Но вдруг показалось Тамиле Борисовне, что не к ее словам, а к чему-то, витающему в воздухе. Вдруг сказала неожиданно:

– Наша ты... Кровь есть кровь!

– О чем вы? – Коробова встала. – Не понимаю...

– Да ты небось уверена, что по своему желанию ко мне попала? Услыхала о колдунье, вот и поехала? Как бы не так! Твоя дорога давно ко мне поворачивает. Семнадцать лет назад вильнула было, сделала петельку, да не дошла. Но что начертано, то сбудется...

– Я за травкой к вам! – Коробова пыталась скрыть смятение. Может, и верно старуха из друидов? А те вроде бы умеют заглядывать в прошлое и будущее.

– Ну-ка, пошли! – сказала решительно старуха и тоже встала. Поросенок соскочил с ее колен, подбежал к распахнутому окну и вдруг запрыгнул на подоконник, оттуда – на улицу и помчался по тропинке к разрушенной часовне и погосту. Остановился, словно поджидая их.

– Вот он, мой проводник в потусторонний мир. Зовет... Идем за ним.

У Тамилы Борисовны наконец-то по-настоящему сдали нервы. Она поверила всему.

– Не пойду, – еле выговорила. – Зачем мне туда?

Старуха снова захихикала:

– Не бойся, Милочка! На старое кладбище пойдем, всего-то! Показать тебе что-то хочу.

И Коробова покорно пошла за ней: сначала в двери, потом по тропе, потом через кладбищенские ворота. Черный поросенок все время бежал впереди, и вправду указывая дорогу. А старуха рассказывала:

– Сначала нас тут было восемь семей, все дворяне, все сильные чародеи-друиды. Думаешь, с чего это наш хутор Дурдово прозвали? Да это люди так непонятное им слово «друиды» перевернули – на свой привычный лад.

Они шли уже по густо заросшему кустарником кладбищу, среди покосившихся памятников и крестов.

– Три с половиной века с тех пор прошло. Вот они все, тут лежат.

Коробова тихо, неожиданно робко спросила:

– Но вы говорите, время подвластно друидам?..

– Время подвластно, да оболочка, в которую мы заключены, брэнна. Мы можем покидать ее, вселяясь в животных, в растения. Но лишь на время, не навсегда... Гляди-ка сюда!

Старуха склонилась над белой плитой одной из могил. Плита, видимо, раньше стояла, а теперь лежала на одном из почти невидных холмиков. Ее густо облепили ползучие травы, а надпись почти не прочитывалась.

– Ну-ка, дай свой шарфик! – властно сказала старуха, и Коробова покорно протянула ей шелковый шарф. Та стала энергично тереть плиту, и вскоре надпись проступила. «Сураев Антоний Гермогенович», – прочитала Коробова и растерянно оглянулась на старуху. Та приветливо улыбалась и кивала головой. – Верно, Милочка, верно, родственник твой покоится здесь. И не один! Есть тут еще Сураевы, но этот, Антоний, родоначальник. Ты ведь тоже не Коробова по крови? Сураева до замужества была?

Тамилу Борисовну уже не удивляло, что колдунья знает ее фамилию, и даже девичью. И, по всей видимости, не только фамилию... Ее поразило это надгробие. Сураев! Неужели тот самый Антоний? Может быть, совпадение?

– Девять поколений с тех пор жизни прожили, – между тем рассказывала колдунья. – До пятого колена держались наши Сураевы, а потом дочери одни стали рождаться, фамилия ушла... Так что родственники мы с тобой, Милочка, – закончила неожиданно. – Я ведь тоже потомок Сураевых.

Посмотрела на Коробову долгим испытующим взглядом. Кивнула довольно, повторила сказанное раньше:

– Наша ты! Кровь Сураевых свое берет! Ведь наш Антоний особую силу имел. И черная, и белая магия ему подвластны были. Оттого и вхож он был и в страну блаженных Аваллон, и в пиршественную залу бога Дагда. Невидимым становился, камни перед ним расступались, во сны человеческие умел двери открывать, мантии умерших приходили по первому его зову... Все, в ком капля крови его рода, отмечены колдовской силой.

Тамиле Борисовне было странно это слышать. Лет десять назад в кругу столичной аристократии прошло, как вспышка эпидемии, повальное увлечение спиритизмом. Она тоже тогда ходила на спиритические сеансы к знаменитому магистру Дидикову и к двум-трем подругам, проводившим такие сеансы у себя дома. И хотя магические атрибуты: меч, пентаграмма, намагниченное железо, медленное кружение светящегося шара и особеннодвигающаяся как бы сама по себе планшетка – все это заставляло замирать сердце, а временами и наводило ужас, все же она воспринимала сеансы скорее как таинственную игру. Но одно дело общаться с невидимыми духами через планшетку, и совсем другое – вызывать их души, или, как говорит колдунья – «мантии», – на физический контакт!

Коробова молча смотрела на надпись на белой плите. Старуха не мешала ей. Но как только женщина отвела взгляд, сказала:

– Ты сама не знала, что все время шла сюда, ко мне. Ты быстро всему научишься, ведь ты последняя истинная Сураева. И у тебя есть сын...

– Он Коробов! – воскликнула она.

– Наполовину – Сураев. Это много, – сказала старуха решительно.

– Нет, это все несерьезно! – Тамила Борисовна попыталась сбросить с себя наваждение. – А вот настойки, какие я просила, можете вы сделать?

– Есть у меня питье для тебя, давно готово, – махнула рукой старуха. – Ладно, не стану торопить. Да так и вернее будет: определишь сама – белая тебе нужна сила или темная? А потом вернешься, куда денешься! Придешь ко мне.

«Как бы не так! – подумала Коробова. – Дай мне только своего зелья, а там я сама со всем справлюсь. Без всякой магии...»

Старуха вновь словно прочитала ее мысли:

– Ну пошли, – сказала. – За настойкой.

Они вернулись к дому, но теперь Евстафия Исидоровна зайти гостью не пригласила.

– Подожди меня тут, – наказала.

Через пять минут вынесла два фарфоровых флакончика. Открыла один, дала Коробовой понюхать:

– Это снотворное. Пять капель в любой напиток – и сон до утра крепчайший, ничем не разбудить. А наутро голова будет ясная, свежая.

Открыла другой флакон, понюхала сама, потом протянула Тамиле Борисовне. Запах был очень приятный. Во флаконе, который был заметно больше первого, мутно плескалась густая коричневая жидкость.

– Кто это выпьет в ночь новолуния, полчаса будет ходить во сне... Хватит тебе получаса?

Коробова прикрыла глаза ресницами, скрывая торжествующий блеск. Кивнула. Достала из сумочки, висевшей на длинном ремешке через плечо, пачку ассигнаций.

– Сколько я должна вам?

Старуха сурово отвела ее руку.

– Сочтемся... когда снова сюда вернешься.

Не выдержав взгляда колдуньи, Тамила Борисовна неловко усмехнулась.

– Я не планирую возвращаться. Лучше рассчитаемся сразу.

Евстафия Исидоровна вновь брезгливо оттолкнула от себя деньги:

– Это ваши, людские, магические знаки. Вы им подчиняетесь, вы следуете туда, куда они ведут. Но для нас, друидов, они – просто пыль. Наши знаки и природой, и миром, и космосом управляют. И судьбами вашими... Езжай! Вернешься, расплатишься!

Когда Коробова уже сидела в седле, старуха сказала вновь обыкновенным ласковым голосом:

– А травку ту, вторую, давать пить надо через две недели, не раньше. Как раз и новолуние наступит...

В этот миг, с громким клекотом и хлопаньем крыльев, на плечо колдуньи опустилась мощная красивая птица с изогнутым клювом и сильными лапами – коршун.

– А вот и посланник мой! – обрадовалась старуха. – Он и проводит тебя.

И верно: коршун парил над ней невысоко, пока Тамила Борисовна ехала лесом, оврагом, вдоль каменных террас. Он нервировал ее. И только когда она выбралась на дорогу к Починкам, круто лег на левое крыло и скрылся за верхушками деревьев.

«Старуха все-таки сумасшедшая, – думала по дороге Коробова. – Еще бы! Живет столько лет одна, в глухомани, вот и тронулась умом. А ведь когда-то явно получила образование... Странно, где бы это?»

Ее рассудок не мог принять того, что она услышала. Бред какой-то! Но – Антоний Гермогенович Сураев, ведь был же такой!

В ее роду стойко жило предание о далеком предке-чародее. Антоний Сураев... Ей это имя было знакомо с детства. Считалось, что он выходец из Индии или в юные годы побывал в Индии, обучался у индусских магов, не только постиг чародейскую науку, но и превзошел своих учителей. В России сам стал учителем-гуру, собрал вокруг себя тайную секту, стал ее верховным магом. Чародейскими силами вмешивались даже в государственные дела... Что здесь правда, что – миф, легенда, Сураевы толком не знали. Как не знали и того, куда по-настоящему исчез предок Антоний. Говорили, царь Иван Грозный казнил его. А вот, оказывается, где он вынырнул – на хуторе Дурдово у Починок! Надо же! А ведь, честно говоря, сама Тамила считала мага Антония просто семейной сказкой. А он – вот он: и могила его есть, и хутор колдунов, и Сычиха – тоже потомок Антония!..

Впрочем, что теперь ей до старой легенды! Лишь бы зелье старухино сработало. А Тамила Борисовна почему-то верила: настойка настоящая. Она не хотела признаваться себе, что почти поверила и в старухины «бредни», – гнала от себя эти жутковатые мысли, стараясь думать только о заветных флаконах. «Через две недели, – повторяла она, как заклинание. – Через две недели. В новолуние...»

9

Когда утром двуколка с Максимом и Сашей Петрусенко вкатила во двор через распахнутые почему-то ворота, они сразу поняли: что-то случилось! Во дворе суетились слуги, на крыльце неподвижно стояла мадемуазель Элен – одна, без князя Всеволода.

Саша выпрыгнул из коляски и побежал к Алене. Максим заспешил к Варфоломею, махавшему ему рукой. Девушка, очень серьезная и бледная, сразу сказала мальчику:

– У нас несчастье. Погиб наш слуга, Степан.

– Степа-ан!

Саша растерялся. Он, конечно, и вчера, и позавчера видел этого улыбчивого парня, и потом – он знал, что со Степаном дружит Максим. Да как можно здесь погибнуть? В реке, что ли?

– Он утонул?

– Нет. – Алена покачала головой, сказала, почему-то понизив голос: – Он провалился в яму, там, в саду... на той самой тропинке, где вы вчера с Лодей ходили.

– Но там же не было никакой ямы!

– Оказывается, была! Саша! – Девушка крепко взяла его за обе руки, встряхнула. – погоди, я тебе все расскажу подробно. Но сейчас нужно кое-что сделать... Иди сюда!

Она потянула его с крыльца и, коротко оглянувшись на открытую дверь в дом, быстро заговорила:

– Госпожа и господин Коробовы не хотят предавать огласке этот несчастный случай. Они не хотят даже вызывать полицию официально. Но и скрывать не станут... Им надо помочь. Ты понимаешь? Твой отец следователь? Если бы он приватно посмотрел... так, по-соседски... А потом сам доложил в полицейское управление... Они, – она кивнула в сторону дома, – наверное, были бы ему благодарны.

– Я сейчас поеду, скажу папе! – рванулся было Саша к двуколке. Но Алена придержала его.

– погоди... Я бы не хотела, чтоб ты уезжал. Лучше побудь здесь, с Лодей. Он очень напуган и плохо себя чувствует. А тебе будет рад.

– Но как же?..

– Ты скажи своему кучеру.

– Верно! – Саша хлопнул себя по лбу. – Пусть Максим поедет и привезет сюда отца!

– Так и сделай, Саша. Но... только еще одно... – Девушка вновь понизила голос, вновь оглянувшись на дверь. – Нужно сделать так, чтоб господин Петрусенко не думал, что его приглашают мои хозяева. Нет! Они даже не знают, что он следователь. Надо, чтоб он как бы сам от себя предложил им помощь... Сумеешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.